

Гольдман Эмма.

Публицистика

Источник: «Библиотека Анархизма»

- Индивид, общество и государство
- Брак и любовь
- Кронштадт
- П.А. Кропоткин
- Ревность, ее причины и возможное средство против нее
- Торговля женщинами
- Трагическое в эмансипации женщины
- Что я думаю...
- Патриотизм - Угроза Свободе
- Ревность

Индивид, общество и государство

Умы людей в смятении, так как, кажется, что качается самый фундамент нашей цивилизации. Люди теряют веру в существующие учреждения, а наиболее сообразительные понимают, что капиталистический индустриализм работает против целей, которым он, якобы, служит... Мир не уверен в выборе путей выхода. Парламентаризм и демократия переживают упадок. Спасение усматривается в фашизме и других формах «сильного» правительства. Борьба противоположных идей, происходящая сейчас в мире, включает общественные проблемы, требующие немедленного решения. Благоденствие индивида и судьба человеческого общества зависят от правильного ответа на те вопросы. Кризис, безработица, война, разоружение, международные отношения и т.п. – среди тех проблем.

Государство, правительство с его функциями и властью, является сейчас объектом живого интереса для каждого мыслящего человека. Политическое развитие во всех цивилизованных странах принесло этот вопрос в дом. Должны ли мы иметь сильное правительство? Предпочтительнее ли демократия и парламентское правление, или фашизм того или иного толка; диктатура — монархическая, буржуазная или пролетарская — является ли решением для болезней и трудностей, навалившихся сегодня на общество?

Иными словами, лечить ли нам болезни демократии ещё большей демократией, или мы должны разрубить гордиев узел народного правления мечом диктатуры?

Мой ответ: ни то, ни другое. Я против диктатуры и фашизма, равно как я против парламентских режимов и так называемой политической демократии.

Нацизм справедливо называют атакой на цивилизацию. Эта характеристика применима также и ко всякой форме диктатуры; в самом деле, ко всякому угнетению и принудительному авторитету. Ибо что такое цивилизация на самом деле? Весь прогресс, в сущности, был расширением свобод индивида с параллельным сокращением авторитета, наложенного на него внешними силами. Это подходит как к сфере физического, так и к политическому и экономическому существованию. В физическом мире человек дошёл до того предела, когда он подчинил силы природы и заставил их служить ему. Примитивный человек вступил на дорогу прогресса, когда он впервые зажёл огонь и так победил тьму, когда он заковал ветер и обуздал воду.

Какую роль играл авторитет или правительство в человеческом стремлении к улучшению, в изобретении и открытиях? Вообще никакой, или, по крайней мере, никакой полезной. Это всегда был индивид, который создавал каждое чудо в этой сфере, и обычно супротив запретов, преследований и вмешательств авторитетов, человеческих или божественных.

Подобным же образом, в политической сфере путь прогресса лежит во всё большем удалении от авторитета племенного вождя или клана, от князя и короля, от правительства, от государства. Экономически, прогресс означал всё большее довольство для всё большего количества людей. В культурном плане, он обозначал результат всех других достижений – большую независимость, политически, умственно и психически.

Смотря под этим углом, проблемы отношения человека и государства приобретают совершенно иное значение. Это больше не является вопросом того, предпочтительнее ли диктатура демократии или лучше ли итальянский фашизм гитлеризма. Встаёт более широкий и жизненный вопрос: полезные ли политическое правительство, государство, человечеству, и как оно влияет на человека в общественном контексте?

Индивид есть истинная реальность в жизни. Космос в себе, он существует ни для государства, ни для абстракции, называемой «обществом» или «нацией», которые лишь собрания индивидов. Человек, индивид всегда был и необходимо является единственным источником и мотивом силы эволюции и прогресса. Цивилизация была постоянной борьбой индивида или групп индивидов против государства и даже против «общества», т.е. против большинства, подчинённого или загипнотизированного государством и обожанием государства. Величайшие битвы человека велись против созданных людьми препятствий и искусственных помех, накладываемых на него, чтобы парализовать его рост и развитие. Человеческая мысль всегда искажалась традицией и привычкой, и извращённым неверным образованием в интересах тех, кто обладал властью и наслаждался привилегиями. Иными словами, государством и правящими классами. Этот постоянный неразрешимый конфликт был историей человечества.

Индивидуальность можно описать как сознание индивидом того, чем он является и как он живёт. Оно присуще каждому человеческому существу и может расти. Государство и социальные институты приходят и уходят, но индивидуальность остаётся и продолжается. Самая сущность индивидуальности — это выражение; чувство собственного достоинства и индивидуальности — это почва, на которой она (индивидуальность) процветает. Индивидуальность — это не та безличная и механическая вещь, как то, что считает «индивидуальностью» государство. Индивидуальность — это не просто результат наследственности и окружения, причины и следствия. Это и результат и нечто куда большее, кое-что кроме. Живого человека невозможно определить, он — фонтан всей жизни и всех ценностей, он не является частью того или иного, он — целое, индивидуальное целое, растущее, изменяющееся, но всегда постоянное целое.

Индивидуальность не следует путать с различными идеями и концепциями индивидуализма; менее всего с идеями этого «безоглядного индивидуализма», который является всего лишь замаскированной попыткой угнетения и упразднения индивида и его индивидуальности. Так называемый индивидуализм есть общественный и экономический *laissez faire*: эксплуатация масс классами при помощи легальных уловок, умственного подрыва и систематической индоктринации услужливого духа, процесс которого известен как «образование». Этот коррумпированный и извращённый «индивидуализм» является смиренной рубашкой для индивидуальности. Он превратил жизнь в унижительную гонку за внешним, за владениями, за социальным престижем и превосходством. Его наивысшая

мудрость звучит как «дьявол заберёт последнего».

Этот «безоглядный индивидуализм» неизбежным образом привёл к величайшему рабству современности, дичайшим классовым различиям, приведшим миллионы к черте бедности. «Безоглядный индивидуализм» означал весь «индивидуализм» для хозяев, в то время как люди были унижены до касты рабов, чтобы прислуживать «сверх-людям» в их поисках себя. Америка, возможно, является наилучшим примером этого сорта индивидуализма, во имя которого защищаются и выдаются за ценности политическая тирания и социальное угнетение; в то время как всякое возмущение и попытки добиться свободы и общественной возможности жить объявляется «не-американским» и злом во имя всё того же индивидуализма.

Было время, когда государство было неизветсным. В своих естественных условиях человек существовал безо всякого государства или организованного правительства. Люди жили семьями в небольших сообществах. Они обрабатывали почву и занимались искусствами и ремёслами. Индивиды, а затем и семья, были единицами общественной жизни, где каждый был свободен и равен соседу. Человеческое общество тогда было не государством, но ассоциацией, добровольной ассоциацией ради взаимной защиты и выгоды. Старейшины и более опытные члены были проводниками и советчиками для людей. Они помогали справляться с жизненными проблемами, а не правили и угнетали индивида.

Политическое правительство и государство были куда более поздним развитием, выросшим из желания сильных получить преимущество над слабыми, меньшинства над большинством. Государство, еkkлезиастическое или мирское, служило для того, чтобы придавать вид легальности и права несправедливости, причинённой меньшинством большинству. Вид права был необходим, чтобы легче править людьми, поскольку ни одно правительство не может существовать без людского согласия, согласия открытого, молчаливого или предполагаемого. Конституционализм и демократия являются современными формами этого, якобы, согласия; согласия, привитого и индоктринированного тем, что называется «образованием», дома, в церкви и всякой другой сфере жизни.

Это согласие есть вера в авторитет, в его необходимость. В его основании находится учение, что человек зол, страшен и слишком неспособен знать, что хорошо для него самого. На всём этом основывается правительство. Бог и государство существуют и поддерживаются благодаря этой догме.

Однако, государство – не более, чем название. Это абстракция. Подобно всякой подобной концепции – нации, расе, человечеству – у него нет органической реальности. Называть государство организмом выказывает лишь заразительную тенденцию делать из слов фетиши. Государство – название для законодательной и административной машинерии, через которую пропускаются определённые дела людей, и то плохо. Нет ничего священного, святого или мистического в государстве. В государстве не более разумности или моральной миссии, чем в коммерческой компании для угольной шахты или работы железных дорог.

Государство обладает не большим существованием, чем боги или дьяволы. Они также являются отражениями и созданиями человека, ибо человек, индивид, является

едиснтвенной реальностью. Государство – лишь тень человека, тень его замутнённости, его невежества и страха.

жизнь начинается и заканчивается с индивидом. Без него нет расы, нет человечества, нет государства. Нет, даже «общество» невозможно без человека. Это индивид, который живёт, дышит и страждет. Его развитие, его возможности были продолжающейся борьбой против фетишей, созданных им самим, а в частности и против государства.

В былые дни религиозные авторитеты формировали политическую жизнь по образу церкви. Авторитет церкви, «права» властителей снисходили свыше, власть, равно как и вера, были божественны. Философы писали толстые книги, чтобы доказать священность государства; некоторые даже снабдили его непогрешимостью и бого-подобными атрибутами. Некоторые договорились до безумного представления, что государство — это «сверх-человек», высшая реальность, «абсолютное».

Вопросы преследовались подобно богохульству. Услужливость была высочайшей благодетелью. С такими представлениями и муштрой определённые вещи стали сами собой разумеющимися, освящёнными своей правдой, но (sic) по причине постоянного и продолжающегося повторения. Весь прогресс был, в сущности, демаскировкой «божественности» и «таинства» предположительно святой, вечной «правды»; он был постепенным уничтожением абстрактного и замещение его реальным и конкретным. Короче, борьбой фактов против выдумок, знания против невежества, света против тьмы.

Это медленное и напряжённое освобождение индивида не было завершено при помощи государства. Напротив, это было продолжающимся конфликтом, борьбой не на жизнь, а на смерть с государством, в котором удавалось малейшее продвижение в сторону свободы и независимости. Человечеству стоило много крови и времени утвердить то небольшое, что было до сих пор отвоёвано у королей, царей и правительств.

Великой героической фигурой этой долгой Голгофы был Человек. Это всегда был индивид, часто одинокий и покинутый, иногда — в союзе и сотрудничестве с другими своего вида, кто боролся и истекал кровью в вековой борьбе против угнетения, против властей, которые поработали и унижали его. Более того и ещё более явно: это был человек, индивид, чья душа бунтовала против несправедливости и унижения, это был индивид, которому пришла в голову идея о сопротивлении условиям, в которых он мучился. Короче, всегда индивид является родителем как освобождающей идеи, так и освобождающего действия.

Это относится не только к политической борьбе, но и ко всей общности человеческой жизни и усилиям, во все времена и повсюду. Это всегда был индивид, человек с сильным разумом и волей к свободе, кто проложил дорогу всем человеческим возможностям, всем шагам в сторону более свободного и лучшего мира; в науке, философии и искусствах, равно как и в промышленности, где гений возносился в высь, создавая «невозможное», показывая его реализацию и заражая остальных своим энтузиазмом к работе и стремлением к ней. В общественном смысле, это всегда был пророк, провидец, идеалист, кто мечтал о мире, более близком желаниям его сердца, и служил маяком на пути к дальнейшим достижениям...

Государство, каждое правительство каких угодно формы, характера и цвета — будь оно абсолютистским или конституционным, монархией или республикой, фашистским, нацистским или большевистским — по самой своей природе консервативно, статично, нетерпимо к изменениям и противится им. На какие изменения оно бы ни пускалось, они всегда являются результатом давления извне, давления, достаточно сильного, чтобы — мирно или иначе, в целом «иначе», т.е. путём революции — убедить правящие силы утвердить изменения. Более того, исконный консерватизм правительства, авторитета любого толка, неизбежно становится реакционным. По двум причинам: во-первых, потому что в природе правительства не только хранить силу, которой оно обладает, но и увеличивать, расширять и увековечивать её, как в национальных, так и в интернациональных рамках. Чем сильнее становится правительство, чем больше государство и его сила, тем менее оно может терпеть подобного авторитета или политической силы рядом с собой. Психология правительства требует, чтобы его влияние и престиж постоянно росли, как дома, так и за рубежом, и оно использует для этого каждую возможность. Эта тенденция мотивирована финансовыми и материальными интересами, стоящими за правительством, которые оно представляет и обслуживает. Фундаментальный *raison d'être* каждого правительства, на который, что показательно, закрывали глаза историки прошлого, стал слишком очевидным, чтобы его игнорировать, даже для профессоров.

Другим фактором, который заставляет правительства становиться всё более консервативными и реакционными — это их исконное недоверие к индивиду и страх перед индивидуальностью. Наш политический и социальный порядок не может допустить терпимости к индивидуальности и его постоянному стремлению к новшествам. Следовательно, государство угнетает, преследует, карает и даже разрушает индивида жизни в порядке «само-обороны». Ему помогают в этом учреждения, предназначенные для сохранения существующего порядка. Оно прибегает ко всякой форме насилия и силы, а его успехи поддерживаются «моральным возмущением» большинства против еретиков, инакомыслящих и политических бунтарей — большинство, веками воспитываемое в почтении к государству, натренированное в дисциплине и подчинении, подчиняющееся страху перед авторитетом дома, в школе, в церкви и в прессе.

Сильнейшая защита авторитета — в однообразии; малейшее отклонение от него — уже великое преступление. Всеобщая механизация современной жизни повысила однообразие в тысячи раз. Оно вездесуще, в привычках, вкусах, одежде, мыслях и идеях. Его самый концентрированный мрак — в «общественном мнении». Лишь у немногих достаточно смелости восстать против него. Тот, кто отказывается признать его вдруг называется «неудобным», «другим» и отклеветывается как мешающий элемент в удобной стагнации современной жизни.

Возможно, даже больше, чем организованный авторитет, угнетают индивида общественное однообразие и одинаковость. Все его «уникальность», «отдельность» и «отличие» делают его чужаком, не только в его родном городе, но даже в его доме. И зачастую больше, чем иностранца, который в целом больше приспособлен.

В истинном смысле слова, чья-то родина с её фоном из традиций, детскими впечатлениями, реминисценциями и другими милыми сердцу вещами, недостаточна для того, чтобы заставить чувствительного человека чувствовать себя как дома. Определённая атмосфера «принадлежности», сознание «одним» с людьми и окружением, более существенно для ощущения дома. То же относится и к отношениям с семьёй, близкому кругу знакомых, равно как и к более широкой сфере жизни и деятельности, которая обычно называется чьей-то страной. Индивид, чьё видение охватывает весь мир, часто нигде не чувствует себя столь стеснённым и лишённым контакта с окружением, как в на родине.

В довоенное время индивид мог, в худой конец, избежать национальной и семейной тоски. Целый мир был открыт его стремлениям и целям. Теперь мир стал тюрьмой, а жизнь — постоянным одиночным заключением. В особенности это стало правдой с появлением диктатуры, правой и левой.

Фридрих Ницше называл государство хладнокровным чудищем. Как мы могли бы называть чудище, таящееся за нарядом современной диктатуры? Не то, чтобы правительство когда-либо особенно давало индивиду жить своей жизнью, но чемпионы нового государственной идеологии не позволяют даже этого. «Индивид — это ничто», говорят они. «Всё, что важно — это коллектив». Ничто меньшее, чем полнейшая капитуляция индивида, не удовлетворит ненасытный аппетит нового божества. Достаточно странно, но самые шумные адвокаты этого нового песнопения обнаруживаются среди британской и американской интеллигенции. Вот сейчас они вооружены «диктатурой пролетариата». Только в теории, разумеется. На практике, они всё же предпочитают немного свобод в своих собственных странах. Они едут в Россию с коротким визитом или как торговцы «революцией», но дома они чувствуют себя более надёжно и комфортно.

Возможно, что это не только недостаток смелости, который удерживает этих добрых британцев и американцев в их странах скорее, чем в светлом будущем. Подсознательно тут, возможно, проскакивает чувство, что индивидуальность остаётся наиболее фундаментальным фактом в человеческом сообществе, угнетённая и преследуемая, но никогда не побеждённая, а когда-нибудь — и победитель.

«Человеческий гений», что всего лишь ещё одно имя для личности и индивидуальности, пробивает себе дорогу сквозь пещеры догм, сквозь толстые стены традиции и привычки, сметая все табу, оставляя авторитет ни с чем, сталкиваясь с насмешками и препонами — чтобы быть названным грядущими поколениями пророком и мучеником. Но для «человеческого гения», этой естественной, постоянной черты индивидуальности, мы всё ещё бродим по первобытным лесам...

Пётр Кропоткин показал, какие замечательные результаты были достигнуты этой уникальной силой человеческой индивидуальности, если она усиливалась сотрудничеством с другими индивидуальностями. Односторонняя и совершенно неадекватная теория Дарвина о борьбе за существование получила биологическое и социологическое дополнение от анархистского учёного и мыслителя. В своём глубоком труде «Взаимопомощь» Кропоткин показывает, что и в царстве животных, и в человеческом обществе кооперация — противопоставленная междуусобице и борьбе — работала на выживание и эволюцию вида.

Он показал, что лишь взаимная помощь и добровольная кооперация — а не всемогущее, разрушающее всё государство — могут создать основу для свободного индивида и жизни в сообществе.

В настоящий момент индивид является пешкой для приверженцев диктатуры и столь же одержимых приверженцев «безоглядного индивидуализма». Алиби первых — это стремление к новым целям. Последние же даже и не притязают на что-то новое. В подтверждение этому «безоглядный индивидуализм» ничему не научился и ничего не забыл. Под его предводительством всё ещё продолжается жестокая борьба за физическое выживание. Каким бы странным это ни показалось, и каким бы глубоко абсурдным это ни было, борьба за физическое выживание весело продолжается, хотя необходимость в ней давно пропала. В самом деле, борьба ведётся отчасти потому, что необходимости в ней нет. Не доказывает ли это так называемое перепроизводство? Не является ли мировой кризис ясно демонстрацией того, что борьба за выживание продолжается благодаря слепоте «безоглядного индивидуализма», грозящего уничтожить самого себя?

Одной из безумных характеристик этой борьбы является полнейшее отрицание отношения производителя к вещам, им производимым. Простой рабочий не имеет внутренней точки соприкосновения с промышленностью, в которой он занят, он чужой в процессе производства, в котором он является механической частью. Как и всякая другая шестерёнка машины, его можно заменить в любое время такими же де-персонализированными человеческими существами.

У интеллектуального пролетария, хотя он и считает себя ошибочно свободным агентом, дела едва ли лучше. У него тоже есть лишь маленький выбор в его отдельной области, как у его брата, работающего руками. Материальные вопросы и желание большего социального престижа обычно являются решающими факторами при выборе интеллектуальной профессии. Добавьте к этому стремление следовать семейной традиции и становиться врачами, адвокатами, учителями, инженерами и т.д. Монотонность требует меньше усилий и индивидуальности. Следовательно, почти всякий находится не на своём месте при современном положении вещей. Массы развиваются медленно отчасти потому, что умы их затемнились умерщвляющей рутинной работой и потому, что вынуждены выживать. Это сливается с возросшей силой политической фабрики сегодняшнего дня. В её структурах нет места свободному выбору независимой мысли и дела.

Интересы государства и интересы индивида различаются фундаментально и антагонистичны друг другу. Государство и политические и экономические институты, которые оно поддерживает, могут существовать лишь формируя индивида по своим собственным нуждам; уча его уважать «закон и порядок», уча его послушанию, подчинению и неприкословной вере в мудрость и справедливость правительства; кроме того, лояльной службе и полному самопожертвованию, когда государство это приказывает, как на войне. Государство ставит себя и свои интересы даже выше притязаний религии и Бога. Оно преследует религиозные или аргументы совести в пользу индивидуальности, т.к. Без свободы нет индивидуальности, а свобода — наибольшая опасность для авторитета.

Борьба индивида против этих возмутительных нападков тем более трудна — слишком опасна она для жизни и сохранности — т.к. это не правда и не неправда, что служит критерием для его сопротивления. Это не годность и не польза его мыслей и действий, которая поднимает против него силы государства и «общественного мнения». Преследование новатора и протестующего всегда вдохновлялось страхом организованного авторитета, испуганного сомнениями в своей непогрешимости и подрыва своей власти.

Истинное освобождение человека, индивидуальное и коллективное, заключается в эмансипации от авторитета и веры в него. Человеческая эволюция была борьбой в этом направлении и ради этой цели. Не изобретения и не механизмы создали это движение. Способность путешествовать на скорости 100 миль в час — не доказательство цивилизованности. Истинная цивилизация измеряется индивидом, единицей всей общественной жизни; его индивидуальностью и границами, в которых она свободна расширяться без препятствий со стороны внешнего и принудительного авторитета.

Говоря социально, критерий цивилизации и культуры есть уровень свободы и экономических возможностей, которыми пользуется индивид; общественного и интернационального единства и кооперации не ограниченной человеческими законами и иными искусственными помехами; отсутствием привилегированных каст и реальностью свободы и человеческого достоинства; короче, истинной эмансипацией индивида.

Политический абсолютизм был упразднён потому, что люди поняли со временем, что абсолютная власть зла и разрушительна. Но это же утверждение верно касательно всей власти, будь то власть привилегий, денег, священника, политика или так называемой демократии. В её влиянии на индивида не играет роли, каков частный характер принуждения — будь она чёрная, как фашизм, коричневая, как нацизм или красная, как большевизм. Это власть, которая коррумпирует и унижает и хозяина, и раба, и нет различия владеет ли властью автократ, парламент или советы. Более вредная, чем власть диктатора, власть класса; самая ужасная — тирания большинства.

Долгий исторический процесс научил человека, что разделение и распри означают смерть, и что единство и сотрудничество способствуют его целям, приумножают его силу и увеличивают его благосостояние. Дух правительства всегда работал против общественного применения этого жизненного урока, за исключением моментов, когда он служил государству и его собственным частным интересам. Это анти-прогрессивный и анти-социальный дух государства и привилегированных каст за ним ответственен за жестокую борьбу человека против человека. Индивид и всё больше группы индивидов начинают видеть под поверхностью устоявшегося порядка вещей. Они более не ослеплены ни сиянием и блеском государственной идеи, ни «благами безоглядного индивидуализма». Человек тянется к более широким рамкам человеческих отношений, которые могут быть созданы лишь свободой. Ибо истинная свобода — это не кусок бумаги, называемый «конституцией», «легальное право» или «закон». Это не абстракция, произведённая от не-реальности, известной как «государство». Это не негативная свобода, когда ты свободен от чего-либо, ибо с такой свободой можно и погибнуть с голода. Реальная свобода, истинное освобождение позитивно: это свобода для чего-либо, это свобода быть, делать; короче, свобода актуальной и активной возможности.

Этот вид свободы — не подарок, это естественное право человека, каждого человеческого существа. Его нельзя дать: оно не может быть присвоено каким-либо законом или правительством. Нужда в нём, стремление к нему естественна для индивида. Неповиновение всякой форме принуждения является инстинктивным его проявлением. Бунт и революция — более или менее осознанными попытками достичь его. Те манифестации, индивидуальные и общественные — фундаментальные проявления человеческих ценностей. То, что эти ценности могут пестоваться, сообщество должно понять, что его величайшее и долговечное богатство — это единица, индивид.

В религии, как и в политике, люди говорят об абстракциях и считают, что занимаются реальностью. Но когда дело доходит до реального, большинство людей, кажется, теряют с ним живую связь. Вполне может быть, что это потому, что в этом слишком много фактов, это слишком холодно, чтобы заинтересовать людей. Оно может вызвать энтузиазм лишь темами вне общих мест, вне обычного. Иными словами, идеал — это искра, которая разжигает воображение и сердца людей. Некие идеалы должны пробудить человека от инертности и дремоты его существования и превратить из несчастного раба в героическую фигуру.

Именно тут, конечно, появляется марксистский обвинитель, который перемарксовал самого Маркса. Для него, человек — это просто кукла в руках этого метафизического всемогущества, называемого экономическим детерминизмом или, более вульгарно, классовой борьбы. Человеческая воля, индивидуальная и коллективная, его психическая жизнь и умственная ориентация практически ничего не значат для нашего марксиста и не влияют на его концепцию человеческой истории. Ни один смыслённый студент не станет отрицать важность экономического фактора для общественного роста и развития человечества. Но лишь узкий и упёртый догматизм может продолжать оставаться слепым к роли, играемой идеей, порождённой воображением и вдохновением индивида.

Было бы безнадежным и бесполезным пытаться уравновесить один фактор другим в человеческом опыте. Ни один отдельный фактор в сложном общественном или индивидуальном поведении не может быть определён как фактор важнейшего качества. Мы знаем слишком мало и, возможно, никогда не будем знать достаточно, о человеческой психологии, чтобы взвесить и измерить относительные величины того или иного фактора при определении человеческого поведения. Формировать подобные догмы в их общественной коннотации не далеко от лицемерия; хотя, возможно, в этом есть своя польза, т.к. каждая попытка это сделать доказывала лишь сопротивление человеческой воли и путала марксистов.

К счастью, даже некоторые марксисты начинают понимать, что не всё в порядке с Марксовым учением. В конце концов, Маркс был человеком, слишком человеком, т.е. ни в коем случае не непогрешимым. Практическое применение экономического детерминизма в России помогает просветить умы более разумных марксистов. Это можно рассматривать как переоценку марксистских ценностей, происходящую в рядах социалистов и даже коммунистов в некоторых европейских странах. Они медленно понимают, что их теория забыла человеческий элемент, Человека, как это называет газета «Социалист». Сколь важным бы ни был экономический фактор, этого недостаточно. Омоложение человечества нуждается во вдохновении и в придающей энергии силе идеала.

Такой идеал я вижу в анархизме. Для ясности: не в общепринятых неверных интерпретациях анархизма, распространяемых почитателями государства и авторитета. Я имею в виду философию нового общественного порядка, основанную на освобождённых энергиях индивида и свободной ассоциации освобождённых индивидов.

Из всех общественных теорий лишь анархизм стойко утверждает, что общество существует для индивида, а не индивид для общества. Единственная легитимная цель общества — это служить целям и быть площадкой для амбиций индивида. Политические партии и люди, по-дикарски дерущиеся за власть, заклеят меня как безнадёжно отставшую от времени. Я радостно принимаю обвинение. Мне приятна уверенность, что их истерика лишена долговременного качества. Их ликование краткосрочно. Человеческое стремление к освобождению от всех авторитетов и властей никогда не успокоится их фальшивыми песнями. Желание человека освободиться от всяческих оков вечно. Оно должно и будет существовать дальше.

Перевод с английского Ndjera.

Брак и любовь

В соответствии с обыденными представлениями любовь и брак являются синонимами, проистекают из одного источника и отвечают одним и тем же человеческим потребностям. Но, как и большинство обыденных представлений, это основывается не на действительных фактах, а на предрассудках.

У брака и любви нет ничего общего, они так же противоположны как полюса, на самом деле они антагонистичны по отношению друг к другу. Без сомнения, некоторые браки выросли из любви. Но это не потому, что любовь может утвердить себя только через брак. Напротив, это скорее объясняется тем, что лишь немногие люди смогли перерасти рамки обычая. Сегодня есть огромное количество мужчин и женщин, для которых брак является ничем иным как фарсом, но которые подчиняются этому установлению исключительно в силу влияния общественного мнения. В любом случае, хотя некоторые браки действительно основаны на любви, несмотря на то, что в иногда любовь продлжается и в браке, я считаю, что это происходит независимо от брака, а вовсе не благодаря ему.

С другой стороны, совершенно ложным является представление, что любовь может быть результатом брака. Иногда нам приходится слышать о чудесных случаях, когда поженившись люди влюбляются друг в друга, но пристальное рассмотрение этих случаев покажет, что это является лишь привыканием к неизбежному. Конечно же, постепенное привыкание друг к другу не имеет ничего общего со спонтанностью, интенсивностью и красотой любовного чувства, без которого интимная сторона брака скорее всего окажется унижительной как для мужчины, так и для женщины.

Брак прежде всего является экономической сделкой, договором о страховании. Он отличается от обычной страховки жизни лишь тем, что эта сделка более связывающая, более требовательная. Доходы от нее значительно меньше вложенных в нее средств. При страховании каждый платит в долларах и центах и всегда волен прекратить взносы. Если, однако, страховой премией женщины является ее супруг, она платит за это своим именем, уединением, самоуважением и самой жизнью, «пока смерть не разлучит их». Более того, брачная страховка обрекает ее на пожизненную зависимость, на паразитизм, на полную бесполезность, как личную, так и общественную. Мужчина также платит свою долю, но, поскольку его возможности шире, брак не ограничивает его в той мере, как женщину. Свои оковы он ощущает больше в экономическом плане.

Поэтому строки, которые Данте поместил над входом в ад, — «Оставь надежду всяк сюда входящий» — в равной степени могут быть отнесены и к браку.

Брак это неудача которую будут отрицать разве что самые глупые люди. Достаточно лишь бросить взгляд на статистику разводов, чтобы понять какой неудачей на самом деле является институт брака. Для понимания этой статистики не годятся типичные филистерские аргументы, говорящие о том, что мягкость законов о разводе и растущая

распущенность женщин. Во-первых, каждый двенадцатый брак оканчивается разводом; во-вторых, число разводов на тысячу человек увеличилось начиная с 1870 г. с 28 до 73; в-третьих, супружеские измены как причина для развода увеличились на 270,8% начиная с 1867 г.; в-четвертых, число уходов из семьи выросло на 369,8%. [1]

Вдобавок к статистике существует и большое количество произведений, драматических и литературных, проливающих дополнительный свет на эту тему. (...) многие писатели раскрывают бесплодность, монотонность, убожество и неадекватность брака как фактора достижения гармонии и понимания между людьми.

Серьезный социальный исследователь не должен удовлетворяться распространенным поверхностным объяснением этого феномена. Он должен копнуть глубже саму жизнь двух полов, чтобы узнать почему брак оказывается такой катастрофой.

Эдуард Карпентер замечает, что за каждым браком стоит соединение двух миров, мужского и женского, настолько отличающихся один от другого, что мужчина и женщина должны оставаться чужими. Огражденный непреодолимой стеной предрассудков, обычаев, привычек, едва ли брак предполагает совершенствование знаний друг о друге, уважения друг к другу, без которых любой союз обречен на неудачу.

Генрик Ибсен, ненавидевший любое социальное притворство, возможно, был первым, кто осознал эту великую истину. Нора [2] уходит от своего мужа не потому (как отметил бы недалекий критик), что она устала от своих обязанностей или же чувствует потребность бороться за права женщин, но потому, что пришла к выводу: восемь лет она прожила с чужим человеком и родила ему детей. Может ли быть что-либо более унижительное, чем союз двух чужих существ длиною в жизнь? Женщине незачем знать что-либо о мужчине, она должна беспокоиться лишь о его доходах. А что мужчине следует знать о женщине помимо того, что у нее приятная внешность? Мы не переросли еще библейского мифа о том, что у женщины нет души, что она всего-навсего придаток мужчины, создана из его ребра, для удобства джентльмена, который был так силен, что боялся собственной тени.

А может, низкое качество материала, из которого создали женщину, и было причиной ее неполноценности? Так или иначе, у женщины нет души — так зачем что-либо знать о ней? К тому же, чем меньше у нее души, тем лучше ее качества как жены, тем с большей готовностью растворится она в своем муже. Эта рабская покорность мужскому превосходству в течение столь долгого времени сохраняла институт брака сравнительно неприкосновенным. Ныне, когда женщина начинает осознавать свое значение, осознавать себя как существо, над которым не властен хозяин, священный институт брака постепенно теряет свою роль, и никакое сентиментальное оплакивание этому не поможет.

Почти с младенчества девочке твердят о браке как о конечной цели; поэтому ее воспитание и образование подчинены именно этому. Подобно бессловесной твари, откармливаемой на убой, ее готовят к браку. Тем не менее, как это ни странно, ей позволено куда меньше знать о своем назначении жены и матери, нежели обыкновенный ремесленник знает о своем ремесле. Для девочки из уважаемой семьи неприлично и непристойно знать что-либо об интимной жизни. Во имя малопонятной уважаемости брак выдает грязь и мерзость

за чистейшее и самое священное соглашение, которое никто не посмеет подвергать сомнению или критике. Именно таково отношение к браку у среднего его сторонника. Будущую жену и мать держат в полном неведении о единственном ее конкурентоспособном достоинстве — сексе. Таким образом, она вступает в пожизненные отношения с мужчиной для того лишь, чтобы почувствовать потрясение, неприязнь, оскорбление сверх меры от самого естественного и здорового инстинкта, каким является секс. Не задумываясь можно утверждать, что большая доля несчастий, нищеты, нужды и физических страданий в супружестве является следствием преступного невежества в вопросах секса, невежества, которое выдают за величайшую из добродетелей. Не будет преувеличением сказать, что не одна семья распалась по причине этого прискорбного факта.

Если, однако, женщина достаточно свободна, если она достаточно созрела для того, чтобы проникнуть в тайны секса без санкции государства или церкви, ее клеймят позором, объявят недостойной стать женой «порядочного» человека, вся порядочность которого заключена лишь в пустой голове и куче денег. Может ли быть что-либо более оскорбительное, чем мысль о том, что здоровая взрослая женщина, полная жизни и страсти, должна противиться потребностям природы, должна укрощать самое страстное свое желание, подрывая тем свое здоровье и сламливая дух, должна ограничивать себя в мечтах и видениях, воздерживаться от глубокого и великолепного сексуального влечения, пока не появится «порядочный» человек и не возьмет ее в жены? Именно это и означает брак. Разве может такой союз завершиться иначе, нежели крахом? Вот один, и далеко не последний, фактор брака, отличающий его от любви.

Наш век — век практицизма. Времена, когда Ромео и Джульетта во имя любви рисковали гневом своих отцов, когда ради любви Гретхен не стыдилась пересудов кумушек, давно прошли. Если, в редких случаях, молодые люди позволяют себе роскошь романтики, тут же вмешиваются старшие, вдалбливая в них премудрость, покуда те не «наберутся ума».

Урок нравственности, который преподносят девочке, заключается не в том, возбудил ли в ней мужчина любовь, он сводится к одному вопросу: «Сколько?» Единственное божество практичных американцев — деньги; главный вопрос жизни: «Может ли мужчина заработать на жизнь? Сможет ли он содержать жену?» Это единственное, что оправдывает брак. Постепенно эти представления пропитывают каждую мысль девушки; она мечтает не о лунном свете и поцелуях, о смехе и слезах; она мечтает о дешевых магазинах и выгодных покупках. Эта скудость души и скаредность порождены институтом брака. Государство и церковь не признают другого идеала, поскольку он единственный, который позволяет государству и церкви полностью контролировать людей.

Без сомнения, есть люди, продолжающие смотреть на любовь, не обращая внимания на доллары и центы. Эта истина особенно очевидна по отношению к тому классу, который вынужден заботиться о себе сам, своим трудом. Колоссальные перемены в положении женщины, порожденные этим мощным фактором, поистине феноменальны, особенно если помнить, что на промышленной арене женщина оказалась совсем недавно. Шесть миллионов работающих женщин; шесть миллионов женщин, уравненных с мужчинами в праве быть эксплуатируемыми, ограбленными, участвовать в забастовках и даже умирать с голоду. Продолжать, мой господин? Да, шесть миллионов, занятых в самых разных

отраслях: от высочайшего умственного труда до шахт и железных дорог; да что там, среди них есть даже сыщики и полицейские. Воистину, полная эмансипация!

Наряду со всем этим лишь весьма незначительное число из огромной армии женщин-работниц рассматривают свой труд как постоянное занятие, подобно мужчинам. Даже самый дряхлый из них приучен быть самостоятельным и независимым. Да, я знаю: в нашей экономической трясине трудно быть независимым, и все же самый последний из представителей мужского рода ненавидит паразитическое существование, или, во всяком случае, чтобы его таковым считали.

Женщина рассматривает свое положение работницы в качестве переходного, ожидая, что ее выкинут при первом удобном случае. Вот почему значительно сложнее организовать женщин, чем мужчин. «Зачем мне вступать в профсоюз? Я собираюсь замуж, у меня будет свой дом». Разве не об этом ей твердили с младенчества как о конечном призвании? Довольно скоро она узнает, что хотя дом и не столь огромен, как тюрьма, зовущаяся фабрикой, зато в нем куда более мощные двери и решетки. Да и хранитель его настолько предан своему делу, что от него ничто не ускользнет. Самое трагичное заключается, однако, в том, что дом больше не освобождает женщину от каторжного труда, а лишь увеличивает число ее обязанностей.

Согласно последним статистическим данным, представленным Комитету по труду, заработной плате и перенаселенности, десять процентов работниц в одном лишь Нью-Йорке состоят в браке, однако они вынуждены продолжать выполнять самую низкооплачиваемую в мире работу. Прибавьте к этому ужасу изнуряющий труд по дому — что тогда остается от «защищенности» дома и его славы? По сути дела, даже замужняя женщина из «среднего класса» не может говорить о своем доме, поскольку полным хозяином в нем является муж. Неважно, грубый или любящий муж. Я хочу сказать, что замужество обеспечивает женщину домом лишь благодаря ее мужу. Она переезжает в его дом и остается в нем на годы, пока ее личная жизнь не превратится в нечто вялое, ограниченное и скучное, как и ее окружение. Неудивительно, что женщина делается вздорной, мелочной, раздражительной, невыносимой, становится сплетницей, выгоняя тем самым мужа из дому. Ей же идти некуда, даже если бы она хотела этого. К тому же краткий период замужества и полного подчинения женщины делает ее совершенно непригодной к жизни. Она становится безразличной к собственной внешности, теряет легкость движений, не решается принимать решения, боится высказать суждение — то есть превращается в скучное существо, которое большинство мужчин ненавидит и презирает. Удивительно вдохновляющая атмосфера для того, чтобы в ней дать рождение новой жизни, не так ли?

Но как же защитить ребенка, если не посредством брака? В конце концов, разве это не самое важное соображение? Но какая пустота и лицемерие стоит за ним! Брак защищает детей, а в то же время тысячи детей оказываются без опеки и крыши над головой. Брак защищает детей, а в то же время детские дома и исправительные учреждения переполнены, а Общество защиты детей от насилия занято спасением маленьких жертв от их «любящих» родителей и передачей их в еще более заботливые руки попечительских организаций. Это просто насмешка!

Брак, быть может, может привести лошадь на водопой, но дает ли он когда-нибудь ей напиться? Закон может поместить отца ребенка под арест и обеспечить ему тюремную робу, но избавит ли он ребенка от голода? А если родитель сидит без работы или скрывается, чем поможет в этом случае брак? О законе говорят лишь когда человека надо представить на суд «справедливости», когда его надо поместить за тюремную решетку, но и в этом случае плодами его труда будет пользоваться государство, а не ребенок. Ребенку же достаются воспоминания о грязной полосатой робе папаши.

Что же касается защиты женщины, то здесь именно и лежит проклятие брака. Он вовсе не защищает ее, но сама эта идея вызывает настолько сильное отторжение, настолько она является дикой и противной по отношению к жизни, настолько унижительной для человеческого достоинства, что этот паразитический институт должен быть навеки проклят.

Это похоже на другой патерналистский договор — капитализм. Он крадет у человека права, данные ему с рождения, задерживает его развитие и рост, отравляет его тело, держит его в невежестве, нищете и зависимости с тем, чтобы затем учредить благотворительные общества, которые пышным цветом разрастаются на последних остатках человеческого самоуважения.

Институт брака превращает женщину в паразита, полностью зависимое существо. Замужество делает ее непригодной к борьбе, уничтожает ее общественное сознание, парализует воображение и затем любезно предлагает защиту, на деле являющуюся западней, пародией на человеческий характер.

Если материнство является высочайшим предназначением женской природы, какая еще нужна защита, кроме любви и свободы? Брак лишь оскверняет, оскорбляет и развращает это предназначение. Одно из его положений — «лишь следуя мне, ты дашь продолжение жизни». Эти установления обрекают женщину на плаху, унижают и стыдят ее, если она отказывается купить право материнства, продав себя. Только брак санкционирует материнство, даже зачатое в ненависти под принуждением. Если бы материнство было результатом свободного выбора, любви, страсти, смелого чувства, разве общество возлагало бы терновый венец на невинную голову и высекало кровавыми буквами этот отвратительный эпитет «незаконнорожденный»? Если бы брак вбирал в себя все добродетели, которыми его украшают, то преступления против материнства навеки вычеркнули бы его из сферы любви.

Любовь, сильнейшее и глубочайшее из того, что есть в жизни, предвестник надежды, радости, страсти; любовь, отрицающая любые законы и любые постановления; любовь, самый свободный и самый сильный творец человеческой судьбы, как может эта неукротимая сила уравнивать себя с тем жалким творением государства и церкви — с браком?

Свободная любовь? Как будто любовь может быть иной! Мужчина покупает разум, но все миллионы мира не купят любви. Мужчина подчиняет себе тело, но вся мощь земли не в силах подчинить себе любовь. Мужчина покорил целые народы, но любая армия бессильна перед любовью. Мужчина заковал и опутал дух, но он совершенно беспомощен перед

любовью. Высоко на троне, со всей роскошью и великолепием, которые способны обеспечить ему его золото, мужчина остается несчастным и одиноким, если любовь обходит его стороной. Но если она приходит к нему, лачуга последнего бедняка начинает светиться теплом, жизнью, светом. Только любовь обладает волшебной властью нищего сделать королем. Да, любовь свободна и не может существовать в иной атмосфере. В свободе она отдает себя бескорыстно, полностью, без остатка. Все законоположения, все суды вселенной не могут стереть любовь с лица земли, коль скоро она пустила на ней свои корни. Если же почва бесплодна, разве способен брак оплодотворить ее? Это лишь последняя отчаянная схватка ускользающей жизни со смертью.

Любовь не нуждается в защите; она сама себе защита. И пока любовь остается творцом жизни, ни один ребенок не окажется брошенным, голодным или замученным. Я знаю, что это правда. Я знаю женщин, избравших материнство вне замужества, хотя они любили отцов своих детей. Не так уж много «законных» детей наслаждаются той заботой, той защитой, тем вниманием, какие дарует свободное материнство.

Защитники власти страшатся возникновения свободного материнства, поскольку это их лишит их добычи. Кто будет воевать? Кто будет создавать богатство? Кто будет производить полицейских и тюремщиков, если женщины откажутся беспрекословно растить детей? Нация, нация! — кричат короли, президенты, капиталисты, священники. Нужно сохранять нацию, даже если женщина при этом превращается в простую машину. При этом институт семьи является единственным клапаном для выпуска пара, который позволяет избегать пагубного сексуального раскрепощения женщины. Но эти безумные попытки сохранить состояние порабощенности тщетны. Тщетны и эдикты церкви, и безумные атаки власть предержащих, и даже рука закона. Женщина более не желает быть частью производства расы больных, слабых, дряхлых и несчастных человеческих существ, у которых нет ни силы, ни нравственного мужества сбросить ярмо нищеты и рабства. Вместо этого она хочет иметь меньше детей, которых бы она растила в любви и воспитывала лучше, и чтобы это было результатом ее свободного выбора, а не принуждения, которое несет с собой брак. Нашим псевдо-моралистам еще только придется дорасти до глубокого чувства ответственности в отношении ребенка, которое проснулось уже в груди женщины благодаря любви к свободе. Она лучше откажется от радости материнства, чем принесет новую жизнь в мир, который дышит разрушением и смертью. И если она становится матерью, то для того, чтобы дать ребенку самое глубокое и лучшее, что есть в ней самой. Ее девиз — расти вместе с ребенком, и она знает, что только таким образом она может воспитать в нем подлинную мужественность или женственность.

Ибсен, должно быть, представлял себе свободную мать, когда мастерскими штрихами нарисовал портрет госпожи Альвинг [3]. Она была идеальной матерью, потому что она переросла рамки брака и все его ужасы, потому что она разбила цепи и позволила своему духу свободно воспарить, пока он не вернул ей личность, возрожденную и сильную. Увы, это произошло слишком поздно, чтобы спасти радость ее жизни, Освальда, но не слишком поздно, чтобы осознать, что любовь при условии свободы является единственным условием подлинно прекрасной жизни. Те, кто, как госпожа Альвинг, заплатил кровью и слезами за свое духовное преображение, осуждают брак как обман, пустое и мелкое издевательство. Они знают, что единственной творческой, вдохновляющей, возвышающей основой для

возникновения новой расы людей, нового мира является любовь, вне зависимости от того, продолжается ли она лишь недолго или длится вечно.

В нашем нынешнем поистине пигмейском состоянии, любовь и правда является чужой для большинства людей. Непонятая и отовсюду изгнанная, она редко пускает где-нибудь корни; а если это и происходит, то она вскоре сохнет и умирает. Ее нежная ткань не выдерживает стресса и напряжения повседневного изнурительного труда. Ее душа слишком сложна, чтобы приспособиться к мерзкому лаю нашей общественной структуры. Она плачет и страдает вместе с теми, кто так в ней нуждается, но в то же время не способен подняться до ее вершин.

Когда-нибудь мужчины и женщины поднимутся и взойдут на горную вершину, они встретятся, сильные и свободные, готовые испытать любовь и согреться в ее золотых лучах. Какое воображение, какой поэтический гений может, хотя бы приблизительно, предсказать возможности подобной силы в жизни людей? Если мир когда-либо и узнает истинное единение и близость, то родителем будет любовь, а не брак.

Кронштадт

В феврале 1921 года рабочие нескольких петроградских заводов забастовали. Зима была исключительно тяжёлой, и жители столицы сильно страдали от холода, голода и истощения. Они требовали увеличения своих продовольственных пайков, а также топлива и одежды. Жалобы забастовщиков, игнорируемые властями, вскоре приняли политический характер. Здесь и там были также слышны требования созыва Учредительного собрания и свободы торговли. Предпринятая бастующими уличная демонстрация была подавлена вызванными правительством курсантами. Лиза Зорина, как было мне известно, остававшаяся ближе к народу чем все остальные коммунисты, присутствовала во время разгона этой демонстрации. Одна женщина была так возмущена жестокостью военных, что напала на Лизу. Последняя, оставаясь верной истинно пролетарским инстинктам, спасла женщину от ареста и проводила её домой. Там она обнаружила самые ужасные условия. В тёмной и сырой комнате, в страшном холоде жила рабочая семья с шестью полуголодными детьми. Впоследствии Лиза говорила мне: «Я чувствую боль от мысли, что жила в «Астории»». Позже она съехала оттуда.

Когда кронштадтские моряки узнали о происшедшем в Петрограде, они выразили свою солидарность с забастовщиками в их экономических и политических требованиях, но отвергли поддержку какого-либо призыва к Учредительному собранию. 1 марта, моряки организовали массовый митинг в Кронштадте, который также посетили председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (высшая руководящая должность Российской республики) Калинин, командующий Кронштадтской крепостью Кузьмин, и председатель Кронштадтского совета Васильев. Митинг, проводившийся с ведома Исполнительного комитета Кронштадтского совета, принял резолюцию, поддержанную моряками, гарнизоном и городским митингом в 16000 человек. Калинин, Кузьмин и Васильев выступили против резолюции, которая позже составила основу конфликта между Кронштадтом и правительством. Она выразила популярное требование советов, избранных свободным голосованием народа. Этот документ стоит того, чтобы привести его полностью, чтобы читатель мог составить справедливое мнение об истинном характере кронштадтских требований. Резолюция гласила:

«Выслушав доклад председателей команд, посылаем общим собранием команды с кораблей в г.Петроград для выяснения дел в Петрограде, постановили:

1. Ввиду того, что настоящие Советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать пере выборы Советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян.
2. Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий.
3. Свободу собраний и профессиональных союзов и крестьянских объединений.

4. Собрать не позднее 10 марта 1921 г. беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов г. Петрограда, Кронштадта и Петроградской губ.
5. Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями.
6. Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.
7. Упразднить всякие ПОЛИТОТДЕЛЫ, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства на эти цели. Вместо них должны быть учреждены с мест выбранные культурно-просветительные Комиссии, для которых средства должны отпускатся государством.
8. Немедленно снять все заградительные отряды.
9. Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.
10. Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на фабриках и заводах разные дежурства со стороны коммунистов, а если таковые дежурства или отряды понадобятся, то можно назначить в воинских частях с рот, а на фабриках и заводах по усмотрению рабочих.
11. Дать полное право крестьянам над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, то есть не пользуясь наемным трудом.
12. Просим все воинские части, а также товарищей военных курсантов присоединиться к нашей резолюции.
13. Требуем, чтобы все резолюции были широко оглашены печатью.
14. Назначить разъездное бюро для контроля.
15. Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом».

Совет должен был собраться 4-го марта и было общее ощущение, что судьба Кронштадта решится на нём. Троцкий должен был выступить перед ним, и так как я никогда ещё не слышала его в России, я хотела попасть туда. Моё отношение к событиям в Кронштадте было неопределённым. Я не могла поверить, что большевики стали бы намеренно фабриковать историю о генерале Козловском, как лидере моряков. Собрание Совета, полагала я, поможет прояснить ситуацию.

Таврический дворец был переполнен, а сцену окружила специальная часть курсантов. Атмосфера была очень напряжённой. Все ждали Троцкого. Но когда наступили 10 часов и он не приехал, Зиновьев открыл собрание. Когда он проговорил пятнадцать минут, я была

уверена, что он сам не верит в историю о Козловском. «Разумеется, Козловский стар и ничего не может, — сказал он, — но белые офицеры стоят за ним и ведут матросов». Все те дни советские газеты провозглашали генерала Козловского движущей силой «мятежа». Калинин, которому моряки позволили покинуть Кронштадт невредимым, бесился, как торговец рыбой. Он объявил моряков контрреволюционерами и призывал к их немедленному подавлению. Несколько других коммунистов выступили в том же духе. Когда собрание было открыто для дискуссии, взял слово рабочий из Петроградского Арсенала. Он выступал очень эмоционально и, игнорируя постоянные перебивания, бесстрашно провозгласил, что рабочих толкают на забастовку безразличие правительства к их жалобам; кронштадтские моряки, приравненные к контрреволюционерам, остались верны революции. Обращаясь к Зиновьеву, он заявил ему, что большевистские власти действуют по отношению к рабочим и морякам так, как правительство Керенского действовало по отношению к большевикам. «Тогда вас заклеили, как контрреволюционеров и германских агентов», сказал он; «мы, рабочие и матросы, защитили вас и помогли вам прийти к власти. Теперь вы обвиняете нас и призываете нападать на нас с оружием в руках. Помните, вы играете с огнём».

Тогда выступил матрос. Он сослался на славное революционное прошлое Кронштадта, призывая коммунистов не переходить к братоубийству, и прочитал кронштадтскую резолюцию, как свидетельство мирных намерений матросов. Но голос этих сынов народа не был услышан. Петросовет, увлечённый большевистской демагогией, принял резолюцию Зиновьева, призывающую Кронштадт сдаться под угрозой уничтожения.

Кронштадтские моряки были всегда верными служителями революции. Они играли важную роль в революции 1905 года; они были в первых рядах и в 1917 году. При режиме Керенского они провозгласили Кронштадтскую коммуну и выступали против Учредительного собрания. Они были авангардом в Октябрьской революции. В великой борьбе против Юденича моряки обеспечили сильнейшую защиту Петрограду, и Троцкий хвалил их, как «гордость и красу революции». Теперь, несмотря на это, они рискнули поднять своё голос, протестуя против новых правителей России. Это было величайшее предательство с точки зрения большевиков. Кронштадтские моряки были обречены.

Петроград был пробуждён чрезмерным решением Совета; даже несколько коммунистов, в том числе из Французской секции, в равной степени были переполнены негодованием. Но никому из них не хватило смелости протестовать, даже в партийных кругах, против планируемой резни. Так же скоро, как стала известна резолюция Петросовета, группа широко известных литературных деятелей Петрограда собрались, чтобы обсудить, нельзя ли что-либо сделать, чтобы предотвратить планируемое преступление. Кто-то посоветовал, что Горький подошёл бы, как глава комитета протеста против советских властей. Они надеялись, что он смог бы последовать примеру своего блистательного соотечественника Толстого, который в своих известных письмах к царю поднял свой голос против жестокой расправы над рабочими. Теперь такой же голос также был необходим, и Горького рассматривали, как настолько справедливого человека, чтобы призвать царей настоящего задуматься над своими делами. Горький был большевиком, говорили они. Он не сделал ничего. В нескольких предшествующих случаях он обращался с предложениями, но посредничество отвергали. Эта встреча не принесла результата. Теперь остались лишь

несколько человек в Петрограде, которые не могли остаться безмолвными. Они отправили следующее письмо в Совет обороны:

«В Комитет Труда и Обороны Петрограда. Председателю Зиновьеву.

Сейчас хранить молчание невозможно и даже преступно. Произошедшие недавно события вынуждают нас, как анархистов, высказаться откровенно и определить четкую линию поведения перед лицом сложившейся ситуации.

Недовольство и обеспокоенность рабочих и матросов являются результатом фактов, требующих самого серьезного внимания. Недовольство породили голод и холод; отсутствие малейшей возможности спорить и критиковать вынуждают матросов и рабочих формально выдвинуть свои требования.

Белогвардейские банды захотят и смогут использовать это недовольство в своих собственных классовых интересах. Прячась за спинами матросов, они требуют созыва Учредительного Собрания, свободной торговли и других подобного рода уступок.

Мы, анархисты, уже давно разоблачили лживую сущность таких требований и во всеуслышание заявляем, что будем бороться с оружием в руках против любых происков контрреволюции вместе со всеми друзьями Социальной Революции, на стороне большевиков.

В том же, что касается конфликта советского правительства с рабочими и матросами, наше мнение таково: конфликт этот следовало бы разрешить не силой оружия, а путем заключения товарищеского революционного соглашения. Кровапролитие со стороны советского правительства в нынешней ситуации не только не запугает и не успокоит рабочих, но и, напротив, послужит лишь углублению кризиса и сыграет на руку Антанте и контрреволюции.

И, что самое важное, использование силы рабоче-крестьянским правительством против рабочих и крестьян вызовет пагубный резонанс в международном революционном движении. Это нанесет неисчислимый ущерб Социальной Революции.

Товарищи большевики, задумайтесь, пока не поздно! Вам предстоит сделать решающий шаг.

Мы предлагаем вам следующее: избрать комиссию из пяти человек, включающую анархистов. Эта комиссия отправится в Кронштадт, чтобы разрешить конфликт мирными средствами. В сложившейся ситуации такой шаг является наиболее радикальным. Он будет иметь международное революционное значение.

Подписано: Александр Беркман, Эмма Гольдман, Перкус, Петровский».

Но этот протест был проигнорирован.

7 марта Троцкий начал бомбардировку Кронштадта, и к 17-му крепость и город были взяты, после многочисленных приступов, повлёкших за собой ужасные человеческие жертвы. Так Кронштадт был «ликвидирован» и «контрреволюционный заговор» потоплен в крови. Для этого «покорения» города была характерна жестокая свирепость, несмотря на то, что ни один из коммунистов, арестованных в Кронштадте моряками не был ранен или убит. Даже перед штурмом крепости большевики бесцеремонно расстреляли многих солдат Красной армии, революционный дух и солидарность которых стали поводом к отказу от участия в кровавой расправе.

Несколькими днями после «славной победы» над Кронштадтом Ленин сказал на Десятом съезде Российской коммунистической партии: «Моряки не хотели контрреволюционеров, но они не желали и нас, других». И – ирония большевизма! – на этом самом съезде Ленин защищал свободную торговлю – более реакционный шаг, чем что-либо из того, что требовали кронштадтские матросы.

Между 1-м и 17-м марта несколько подразделений Петроградского гарнизона и все матросы порта были обезоружены и отправлены на Украину и Кавказ. Большевики боялись доверять им в кронштадтской ситуации: во-первых психологический момент — они имели общую проблему с Кронштадтом. Фактически, многие красные бойцы Красной горки и окрестных гарнизонов также симпатизировали Кронштадту и были принуждены силой оружия атаковать матросов. 17 марта коммунистическое правительство завершило свою победу над кронштадтским пролетариатом и 18 марта чествовало жертв Парижской коммуны. Было очевидно всем, кто был немым свидетелем совершённого большевиками преступления, что преступление против Кронштадта было гораздо более чудовищным, чем резня коммунаров в 1871 г., так как это было совершено именем социальной революции, от имени социалистической республики. Историю нельзя обмануть. В анналах русской революции имена Троцкого, Зиновьева и Дыбенко будут присоединены к таким именам, как Тьер и Галифе.

Семнадцать ужасных дней, более ужасных, чем что угодно, что я узнала в России. Агонизирующие дни, потому что моя полная беспомощность перед лицом страшных вещей, происходивших на моих глазах. В то же самое время мне пришлось совершить визит к другу, который уже месяц является пациентом в госпитале. Я нашла его сильно измученным. Более того, раненых во время атаки на Кронштадт привозили в тот же госпиталь, в основном курсантов. Я имела возможность поговорить с одним из них. Его психологические мучения, говорил он, были ничем по сравнению с его душевной агонией. Слишком поздно он осознал, что он был одурачен криком о «контрреволюции». В Кронштадте были не царские генералы, не белогвардейцы – он нашёл только своих собственных товарищей, матросов и солдат, героически сражавшихся за революцию.

Пайки обычных пациентов в госпиталях были далеко не удовлетворительны, но раненые курсанты получали лучшие, а избранные члены коммунистического комитета были назначены охранять их отдых. Некоторые курсанты, и среди них человек, с которым я беседовала, отказались принять специальные привилегии. «Нам хотят заплатить за убийство», говорили они. Опасаясь, что исцелившиеся повлияют на пробуждение обманутых, руководство приказало поместить их в отдельную палату. «Коммунистическую

палату», как её называли пациенты.

Кронштадт разорвал последнюю нить, которая связывала меня с большевиками.

Бессмысленная бойня, которую они спровоцировали, говорила более красноречиво, чем что-либо иное. Каков бы ни было их притворство в прошлом, большевики теперь показали себя наиболее опасными врагами революции. Я не могу ничего поделать с этим.

П.А. Кропоткин

В ночь на 8-е февраля [1921 г.] в городке Дмитрове, в 60 верстах от Москвы прекратилась жизнь большого человека — Петра Алексеевича Кропоткина. Болезнь его продолжалась недолго. За месяц до смерти с ним случился сердечный припадок, и хотя казалось, что он поправляется, но последовательные припадки привели к фатальному концу. В маленькой комнате, служившей П.А. кабинетом и спальней, лежало тело одного из величайших сынов России. В продолжение двух дней непрерывные процессии детей, молодых и старых людей, женщин, рабочих и крестьян приходили отдать последний долг любимому согражданину, жившему среди них последние три года. Из простенького домика семьи Кропоткина останки П.А., сопровождаемые всем населением городка и окрестных деревень, были перенесены на станцию Дмитров. После кратких, прочувствованных последних прощаний, посланных покойному представителями анархических и местных организаций, тело было отправлено со специальным поездом в Москву.

Масса народа собралась на вокзале в Москве встретить учителя, товарища и друга. Под звуки революционной музыки, под сенью выразительных красных и черных знамен добровольная процессия медленно шла ко Дворцу Труда (бывшее Дворянское собрание) [ныне — Дом союзов].

Семьдесят один год тому назад в этом самом здании П.Кропоткин в первый раз выступил публично. По случаю 25-летия царствования Николая I московское дворянство давало в честь царя костюмированный бал, который по своему великолепию должен был остаться в летописях больших дворцовых деяний. Все народности, подвластные русской империи, были представлены в костюмах и знаках отличия своей нации. Молодой 8-летний Петр был одет в костюм наследника персидского престола. При входе царя все подвластные народы выразили низкими поклонами свое подчинение всемогущему правителю России. Поразительная внешность Петра, самого молодого участника этого торжества, привлекла внимание царя. Он взял мальчика и представил его своей невестке, жене наследника престола, ожидавшей тогда третьего ребенка. С привычными ему казарменными манерами царь сказал ей: «Вот такого молодца мне нужно». Утомленный впечатлениями, маленький Петр уснул на коленях будущей императрицы... Не думал Николай, что в мальчике, представленном, как модель, царственному дому, скрыта потенциальная сила, которая со временем решительно расшатает основу царственного строя. Но, конечно, Петр Кропоткин не был единственным ребенком, который рос тогда, чтобы со временем стать русским Самсоном, — были легионы сынов и дочерей России, которые своей кровью оплодотворили землю для окончательного освобождения от царизма. Но Петр Кропоткин был самый великий из всех их.

В 1850 г. Кропоткин заснул в зале Дворянского собрания, в 1921 г. он опять лежит спящим в этом же самом здании. Но вместо царя Николая, наследника престола, будущей императрицы, хозяина и царственных гостей, теперь присутствовал русский народ. Из всех

районов и окрестностей Москвы приходили рабочие, крестьяне, красноармейцы, дети, мужчины и женщины, деятели науки и литературы, — бесконечный человеческий калейдоскоп, чтобы взглянуть в последний раз на своего любимого учителя.

Похороны Петра Кропоткина были самым внушительным явлением, которому я была свидетельницей во время моего пребывания в России. В воскресенье, 13-го февраля, задолго до назначенного часа, улицы, прилегающие ко Дворцу Труда, были полны народа, пришедшего принять участие в похоронной процессии. Рабочие организации, политические партии и ученые общества, были представлены в громадном количестве своих членов. Дворец Труда, где три дня лежало тело Кропоткина, был переполнен. Простой гроб, стоявший на помосте в центре прекрасно декорированного зала, был покрыт венками. Первая и шестая Патетические симфонии Чайковского, — любимые вещи П.Кропоткина, которые он так часто и искусно играл, — были исполнены знаменитым оркестром Московской оперы. Когда тело медленно выносили из Дворца Труда, хор в двести человек пел потрясающий душу Реквием, и звуки «вечной памяти» приветствовали солнечный день.

Девятнадцатое столетие дало миру десятки великих мужчин и женщин. Наука, искусство, литература, революционная мысль и социалистические идеалы имели своих видных представителей. Но в Петре Алексеевиче были соединены почти все свойства, присущие лишь редким умам: универсальный ученый, литератор, революционер с пламенной душой, апостол анархизма, который горячо проповедовал, что только в анархическом обществе — спасение человечества, Петр Кропоткин в то же самое время обладал способностью общедоступного изложения, которая делала его самою блестящею фигурой на горизонте XIX-XX столетий. Его жизнь и работы были высечены из одного целого. Это была симфония, где лейтмотивом была всеобъемлющая любовь.

Происходя из княжеского, царственного рода (Рюриковичей), с блестящею перспективою карьеры, он, однако, с юности стал поборником обиженных и угнетенных. Из тюрьмы, куда он был заключен на своей родине, он бежал и жил за границей во многих странах, преимущественно в Англии. Неизменным принципом его жизни было — не извлекать никакой материальной выгоды из своей анархической деятельности. Все его многочисленные анархические работы — книги, памфлеты и брошюры — он отдавал во имя пропаганды для популярных изданий. Не будет преувеличением сказать, что его памфлеты, например, «К молодому поколению», «Система заработной платы», «Коммунизм и анархия», «Идеалы и действительность в русской литературе», «Государство и его роль в истории» [названия работ Кропоткина здесь даны в наиболее часто употребляемом русском варианте и несколько отличаются от тех, что приведены в оригинале статьи — прим. ред.] и др., циркулировали в миллионах изданий по разным странам.

В задачу этой статьи не входит определение влияния Кропоткина, как ученого, анархиста и человека. Равно не место в ней для критических размышлений о позиции его по отношению к великой войне [имеется в виду позиция, занятая Кропоткиным в период Первой мировой войны — прим. ред.]. Достаточно заметить здесь, что вместе с большинством анархистов всего мира я не разделяла взглядов нашего великого учителя на европейскую катастрофу. Мы были твердо уверены, что все капиталистические войны реакционны в основе своих причин и империалистичны в в сущности своих целей. Эта разница точек зрения товарищей

была единственным поводом для нашего расхождения с Петром Алексеевичем.

Проведя 41 год в изгнании, П.А. 17 июня 1917 г. возвратился на родину. Он был встречен с большим энтузиазмом.

Керенский делал невероятные усилия, примиряя непримиримое: он убеждал Кропоткина войти во временное правительство, предлагая ему на выбор любой пост министра. Кропоткин отказался. «Я считаю ремесло чистильщика сапог более честным и полезным», — ответил он. После октябрьской революции Кропоткин видел с яснovidением пророка, что революционные усилия народа были отводимы в правительственные каналы и в сторону от идеалов, вдохновлявших массы в период священного подъема первых октябрьских дней. Но Кропоткин не терял действенной энергии. Он энергично и постоянно настаивал на необходимости фундаментальной реконструкции экономической жизни страны на началах безвластия.

Усиленное умственное и физическое напряжение Кропоткина в 1918 году истощило его жизненную энергию и состояние здоровья заставило его, хотя и молодого душой (ему было 76 лет), переехать из Москвы в Дмитров, где он сделался добровольным изгнанником. Отойдя от современной кипучей жизни, Кропоткин жил совершенно изолированно.

Человек, жизнь которого была так богата и разностороння, теперь не имел возможности соприкоснуться с ходом мировых событий. За исключением советских изданий, он не имел никаких источников знаний. Лишь несколько журналов доходили к нему иногда из-за границы. И переписка его была скудна. Его бесчисленные товарищи и друзья редко имели возможность посещать его. Последний год его жизни прошел в одиночестве. Он сосредоточился на своей крупной работе об этике. Но даже и для этой работы у него не было достаточного количества научных материалов. Медленный ход этой работы тяготил его мозг. У него не было секретаря, и его стареющие руки не могли долго работать на пишущей машинке. Смерть покончила с ним раньше, чем он со своей работой. Многие из его друзей и товарищей удивлялись его безмолвию и позиции его по отношению к происходящему в России. Причины этого выясняются в приводимых выдержках из письма к его старому другу.

Дмитров, 2-ое Мая 1920 г.

«Дорогой Александр,

(...)

«Я возобновил свои работы по вопросам нравственности потому, что считаю, что эта работа абсолютно необходима. Я знаю, что не книги создают умственное направление, но совершенно наоборот. Я также знаю, что для разъяснения этой идеи необходима помощь книги, которая выражает базисы мысли в их полной форме. И чтобы положить основание морали, освобожденной от религий, и выше религиозной морали, которая не ждет вознаграждения на том свете, необходимо иметь помощь разъясняющих книг.

Нужда в таких пояснениях чувствуется более настойчиво теперь, когда человеческие мысли борются между Ницше и Кантом (в действительности мораль Канта была религиозной этикой, хотя и была замаскирована «философией», т. е. между ницшеанством и христианством).

Замечательно, что Бакунин (я узнал это недавно), когда он после разгрома Коммуны удалился в Локарно, также почувствовал потребность разработать новую этику. Кто-нибудь да сделает это. Но необходимо подготовить почву, и так как я умственно вовлечен в поиски новых путей в этой плоскости, то должно, по крайней мере, наметить этот путь.

Мне недолго жить. Мое сердце делает последние усилия. Сегодня я почти лишился чувств без всякой видимой причины. И потому, мой дорогой друг, я сосредоточу еще мои силы на изучении этики; я еще больше чувствую, что во времена, переживаемые теперь Россией, нельзя достичь серьезных результатов активностью отдельных личностей. Сотрясение масс велико, — индивидуальное масс недостаточно.

Я глубоко верю в будущее. Я внутренне убежден, что синдикалистское движение, т.-е. рабочих организаций, которые на своем последнем конгрессе собрали представителей от 20.000.000 рабочих, сыграет в течение каких-нибудь 50 лет громадную роль в образовании коммунистического безначального общества...

Я также верю, что в организации коммунистических общин в крестьянстве, в кооперативное движение — особенно русское крестьянское кооперативное движение —будет в последующие 50 лет служить творящим ядром коммунистической жизни, без какой-либо примеси религиозного характера.

Я глубоко верю в это. Но я чувствую, что для того, чтобы запечатлеть эти два движения с жизненной силой, чтобы дать им форму, развить их, приготовить твердый базис для них и помочь им трансформироваться из орудия самозащиты в могущественное средство, для реорганизации общества на принципах коммунизма, — требуется сила моложе моей — и особенно кооперация из среды рабочих и крестьянства. Эти силы будут найдены. Они уже есть в обоих движениях, хотя они еще не сознают своей миссии. Они еще не уяснили сами себе, что они еще не прониклись идеалом коммунизма»...

Петр Кропоткин не терял случая обращаться к рабочим Европы, чтобы они настойчиво просили мира с Россией. Он возмущался отношением известных старых «революционеров», наводняющих ныне Европу, которые присоединились к империалистическому кличу об интервенции. В то же время он критиковал, не колеблясь, политику советского правительства. Кропоткин несколько раз взывал к рабочим Европы, чтобы они заставили их правительства убрать от России руки прочь. Никто не выявлял лучше, чем он, что продолжение похода на Россию означает одновременно и полнейшее расстройство остального мира. Россия по многим причинам нуждается в мире, — говорил он, — и в той же мере голос свободной критики должен быть услышан, так как новая Россия может быть построена только доброю волею и соединенными усилиями всего народа.

Кропоткин умер и, однако, никогда еще не был так жив. Он живет в сердцах и мыслях России и всего мира. Он не нуждается в комментаторах своих работ. Он поставил себя в самое скромное положение духовного учителя и писал с простотою, доступною пониманию всех. Его отношение к людям было просто. Дух его живет. Он вибрирует в дыхании масс.

Выходные данные: опубликовано по-русски в историческом журнале «Былое» (№17, 1922 г. Стр. 100-104). Перевод с английского был сделан с рукописного экземпляра статьи, предоставленного редакции Эммой Гольдман . Здесь приводится с незначительн

Ревность, ее причины и возможное средство против нее

Ни один человек, способный на интенсивную сознательную внутреннюю жизнь, не должен никогда рассчитывать на то, что ему удастся избежать душевной горечи и страданий. Грусть, а зачастую и отчаяние по поводу так называемого внутреннего устройства мира — это наиболее постоянные спутники нашей жизни. Но они приходят к нам не извне, не благодаря злым делам особенно злонамеренных людей. Они заключены в самом нашем существовании, на самом деле, они переплетены с ним тысячами тонких и крепких нитей.

Нам совершенно необходимо понять это, потому что люди, которые не могут избавиться от представления о том, что их несчастья являются следствием злонамеренности их близких, никогда не смогут перерасти мелочную ненависть и злобу, постоянно обвиняющую, проклинающую и травящую других за что-то, что на самом деле является частью их самих. Такие люди не поднимутся до высот подлинного гуманизма, для которого добро и зло, моральное и аморальное — всего лишь ограниченные термины, обозначающие внутреннюю игру человеческих переживаний в море человеческой жизни.

Философа «по ту сторону добра и зла», Ницше, в настоящее время обвиняют как зачинателя национальной вражды и уничтожения с помощью оружия, но только плохие читатели и плохие ученики могут интерпретировать его таким образом. «По ту сторону добра и зла» означает по ту сторону наказания, суждения, убийства и так далее. «По ту сторону добра и зла» дает нам представление о возможности условий, при которых утверждение личности сочетается с пониманием всех других, которые отличаются от нас, являются иными.

Под этим я имею в виду не неуклюжую попытку демократии регулировать сложность человеческого характера с помощью средств внешнего равенства. Видение «по ту сторону добра и зла» указывает на право человека быть собой, право на собственную личность. Это не исключает возможности возникновения боли по поводу хаоса жизни, но исключает пуританскую самоуверенность, которая заключена в осуждении всех и каждого кроме себя самого.

Очевидно, что последовательный радикал — а ведь вы знаете, что есть много половинчатых — должен переносить это глубокое, человеческое понимание на сексуальные и любовные отношения. Сексуальные переживания и любовь относятся к наиболее интимным, наиболее интенсивным и чувственным выражениям нашего существа. Они настолько глубоко связаны с индивидуальными физическими и психологическими особенностями, что любую

влюбленность можно считать независимой, непохожей ни на одну другую. Другими словами, каждая влюбленность — это следствие впечатлений и характеристик, которые придают ей два вовлеченных в нее человека. Любые любовные отношения должны по природе своей оставаться исключительно частным делом. Ни государство, ни церковь, ни мораль, ни другие люди не могут вмешиваться в них.

Но, к сожалению, происходит наоборот. Наиболее интимные из человеческих отношений являются предметом предписаний, правил, принуждения, несмотря на то, что подобные внешние факторы абсолютно чужды любви и потому ведут к непрекращающимся противоречиям и конфликтам между любовью и законом.

Результатом этого является то, что наша любовная жизнь подвергается разрушению и деградации. «Чистая любовь», столь часто превозносимая поэтами, является в наше время большой редкостью с постоянными спорами о браке, разводе и отчуждении имущества. В ситуации, когда критериями любви выступают деньги и общественное положение, проституция является практически неизбежной, хоть она и прикрывается мантией закона и морали.

Наиболее часто встречающимся злом нашей изуродованной любовной жизни является ревность, которую часто описывают как «зеленоглазое чудовище», которое лжет, обманывает, предает и убивает. Принято считать, что ревность является врожденным чувством и потому никогда не исчезнет из человеческого сердца. Эта идея является удобным оправданием для тех, кто не способен или не желает разбираться в причинах и следствиях.

Боль из-за утраты любви, из-за прерванной нити любовных отношений на самом деле заключена внутри нас. Эмоциональная грусть стала источником вдохновения для многочисленных стихов, глубоких прозрений и поэтической экзальтации Байрона, Шелли, Гейне и многих других. Но можно ли сравнить эту печаль с тем, что обычно считается проявлением ревности? Они столь же непохожи как мудрость и глупость. Как утонченность и ограниченность. Как достоинство и грубое принуждение. Ревность — прямая противоположность понимания, симпатии и душевной щедрости. Никогда ревность не прибавляла к характеру человека ничего хорошего, и никогда не делала она человека больше и лучше. На самом деле она делает его слепым от гнева, мелочным от подозрений и жестоким от зависти.

Ревность, проявления которой мы видим в брачных трагедиях и комедиях, неизменно является односторонним, предубежденным обвинителем, уверенным как в своей правоте, так и в подлости, жестокости и виновности своей жертвы. Ревность даже не пытается понять. Ее единственным желанием является наказывать как можно более жестоко. Это понятие воплощено в кодексе чести, находящем свое выражение в дуэлях или неписанных законах. Этот кодекс утверждает, что соблазнение женщины должно караться смертью соблазнителя. Даже если соблазнение не имело места, даже если два человека добровольно отдались своему порыву, честь восстанавливается только пролитием крови, либо мужчины, либо женщины.

Ревность одержима чувством собственности и мести. Она вполне согласна со всеми карательными законами, которые до сих пор придерживаются варварского мнения о том, что проступок, зачастую являющийся следствием несправедливости общества, должен быть адекватно наказан или отомщен.

Очень сильные аргументы против ревности можно найти в данных исследований историков Моргана, Реклю и других, которые касаются сексуальных отношений первобытных народов. Любой, знакомый с этими работами знает, что моногамия является гораздо более поздней формой сексуальной жизни, которая возникла в результате одомашнивания и установления собственности на женщин, и которая создала сексуальную монополию и неизбежное чувство ревности.

В прошлом, когда мужчины и женщины свободно соединялись между собой без вмешательства закона и морали, не могло быть ревности, потому что она основывается на предположении, что определенный мужчина обладает сексуальной монополией на определенную женщину и наоборот. В тот момент, когда кто-то пытается нарушить это священное установление, ревность поднимает голову. В этих обстоятельствах просто смешно говорить о том, что ревность абсолютно естественна. На самом деле, это искусственный результат искусственной причины и ничего более.

К сожалению, не только консервативные браки освящаются понятием сексуальной монополии; жертвой ее являются и так называемые свободные союзы. Можно было бы предположить, что это еще одно доказательство того, что ревность является врожденной чертой человека. Но нужно принимать во внимание то, что сексуальная монополия передавалась из поколения в поколение как священное право и основа чистоты семьи и дома. И точно так же, как церковь и государство приняли сексуальную монополию в качестве единственного обеспечения брачных уз, так же они оправдали ревность в качестве законного орудия защиты прав собственности.

Хотя огромное количество людей переросло рамки установленной законом сексуальной монополии, они не переросли ее традиций и привычек. Поэтому их так же ослепляет «зеленоглазое чудовище», как и их консервативных соседей в тот момент, когда речь заходит о том, что им принадлежит.

Мужчину или женщину, которые в достаточной степени свободны и великодушны, чтобы не вмешиваться в жизнь другого или поднимать шум по поводу других привязанностей тех, кого они любят, скорее всего будут ненавидимы своими консервативными и высмеяны своими радикальными друзьями. Их объявят либо дегенератами, либо трусами, и зачастую их поведению припишут еще и мелочные материальные мотивы. В любом случае эти мужчины и женщины будут мишенью для непристойных слухов и грязных шуток просто на основании того, что они признают за своей женой, мужем или любовником право на собственное тело и эмоциональное выражение, без того, чтобы закатывать сцены ревности или делать дикие угрозы убить нарушителя.

В ревности есть и другие факторы — самомнение мужчины и зависть женщины. В сексуальных вопросах мужчина хвастун, обманщик, который всегда хвастается своими

победами и успехом у женщин. Он настаивает на том, что играет роль захватчика, поскольку ему сказали, что женщины хотят быть завоеванными, что им нравится, когда их соблазняют. Чувствуя себя единственным петухом в курятнике или быком, который должен пустить в ход рога, чтобы завоевать корову, он чувствует себя смертельно уязвленным в своем самомнении и высокомерии в тот момент, когда на сцене появляется противник — сценой же в данном случае, даже для так называемых утонченных мужчин, является сексуальная привязанность женщины, которая должна иметь только одного хозяина.

Другими словами, угроза сексуальной монополии мужчины и его распаленное тщеславие в девяносто девяти процентах случаев являются причиной ревности.

В случае женщины, экономический страх за себя и своих детей, а также мелкая зависть по отношению к любой другой женщине, которая удостоивается внимания в глазах ее содержателя, неизменно вызывает ревность. Нужно отдать должное женщине, — на протяжении прошедших веков, физическая привлекательность была ее единственным активом, поэтому она должна завидовать красоте и ценности других женщин, поскольку они угрожают ее контролю над ценной собственностью.

Гротескный аспект этого заключается в том, что мужчины и женщины часто становятся агрессивно ревнивы по поводу тех, на кого им на самом деле наплевать. Поэтому это не их разозленная любовь, но их разозленная глупость и зависть вопиют против этой «ужасной несправедливости». Скорее всего женщина никогда и не любила того, кого она подозревает и за кем шпионит. Скорее всего, она никогда и не прилагала усилий, чтобы удержать его любовь. Но в тот момент, когда появляется конкурентка, она начинает ценить свою сексуальную собственность, для защиты которой никакие средства не являются неприглядными или слишком жестокими.

Поэтому очевидно, что ревность не есть следствие любви. На самом деле, если бы было реально изучить большинство случаев ревности, возможно выяснилось бы, что чем меньше люди вдохновляются великой любовью, тем агрессивнее и отвратительнее их ревность. Два человека, связанные внутренней гармонией и единством, не боятся разрушить взаимное доверие и безопасность, если один из них имеет увлечения на стороне. Их отношения не закончатся ужасной враждебностью, как это часто случается с людьми. Они могут не допустить избранника своего возлюбленного в интимную часть своей жизни, и не нужно ожидать от них этого, но это вовсе не дает им права отрицать за другим человеком необходимость таких увлечений.

Поскольку я буду обсуждать тему разнообразия и моногамии через две недели, я не буду углубляться в это сейчас, но скажу лишь, что смотреть на людей, которые могут любить больше, чем одного человека, как на извращенцев и ненормальных, — невежественно. Я уже говорила о некоторых причинах ревности, но к ним стоит прибавить еще и институт брака, который государство и церковь объявляют «узами до тех пор, пока смерть не разлучит нас». Это воспринимается как нравственное проявление праведной жизни и праведных деяний.

Поскольку любовь, во всей ее многовариантности и изменчивости, ограничивается и сковывается, неудивительно, что из нее вырастает ревность. Что еще, как ни мелочность, подлость, подозрительность и ничтожество может возникнуть, когда мужчину и женщину официально сдерживают с помощью формулы «отныне вы одно тело и одна душа». Возьмите любую пару, связанную таким образом, зависящую друг от друга во всех своих мыслях и чувствах, без какого-либо постороннего интереса или желания, и спросите себя, не станут ли такие отношения ненавистными и невыносимыми.

Тем или иным образом узы разрушаются, и поскольку обстоятельства, которые к этому приводят, обыкновенно являются низкими и унижительными, неудивительно, они выводят за собой на сцену самые грязные и подлые человеческие проявления и мотивы.

Другими словами, вмешательство законов, религии и морали является причиной нашей нынешней неестественной любовной и сексуальной жизни, и именно из этого вырастает ревность. Это бич, который истязает несчастных смертных из-за их собственной глупости, невежества и предрассудков.

Но никто не должен оправдывать себя на основании того, что он является жертвой этих условий. Безусловно, мы все вырастаем под гнетом несправедливых общественных установлений, принуждения и нравственной слепоты. Но не являемся ли мы сознательными личностями, чьей целью является привнесение правды и справедливости в человеческие отношения? Теория о том, что человек является продуктом условий, привела лишь к равнодушию и ленивому примирению с этими условиями. В то же время все знают, что приспособление к нездоровому и несправедливому образу жизни только укрепляет последнее, в то время как человек, так называемый венец творения, наделенный способностью мыслить и видеть и прежде всего использовать свои способности по своей инициативе, становится слабее, пассивнее, фаталистичнее.

В этом смысле, после того как я попыталась показать, что причина ревности лежит в основанной на принуждении и уродстве любовной жизни, поговорим о возможном средстве от ревности. Я считаю, что любой мужчина и любая женщина могут помочь себе излечиться от ревности. Первым шагом к этому будет признание того, что они не являются ни собственниками, ни контролерами, ни диктаторами в отношении сексуальных проявлений своих мужей и жен. Вторым шагом будет то, что они станут слишком гордыми, чтобы принимать любовь и восхищение, которые не даются с радостью и по доброй воле. Все, что дается из чувства долга или в силу брачного контракта не является подлинным. Это фальшивка. Все, что мы пытаемся удержать силой, ревнивыми угрозами или сценами, шпиона и подсматривая, с помощью подлых трюков и душевных пыток, не стоит того, чтобы это сохранять. После этого остаются только неприятный привкус и разрушающие разум и сердце сомнения в том, удалось или нет нам вернуть своего убежавшего барашка.

Нет ничего ужаснее и фатальнее, чем копаться в интимной жизни того, кого ты любишь, или в своей собственной. Это может только помочь разорвать те непрочные связи симпатии, которые еще есть в отношениях. Это в конце концов приводит нас к последнему падению, которое ревность якобы пытается предотвратить, то есть к уничтожению любви, дружбы и уважения.

Ревность и правда является плохим средством для обеспечения любви, но это надежное орудие для уничтожения самоуважения, потому что ревнивые люди, как наркоманы, опускаются на самое дно и в конце концов вызывают только отвращение и ненависть.

Боль по поводу потерянной или безответной любви никогда не заставит человека, способного на высокие и светлые мысли, быть грубым. Чувствительные и нежные люди просто должны спросить себя, смогут ли они терпеть какие-либо обязательные отношения, и их ответом будет однозначное «нет». Но большинство людей продолжают жить рядом друг с другом, хотя они давно уже перестали жить друг с другом по-настоящему — такая жизнь является благодатной почвой для ревности, чьи методы не останавливаются ни перед вскрытием чужих писем, ни даже перед убийством. По сравнению с этими ужасами, открытая неверность кажется актом смелости и освобождения.

Мощным щитом против вульгарности ревности является признание того, что муж и жена не являются одним телом и одной душой. Это два человека с разным темпераментом, чувствами и эмоциями. Каждый из них небольшой космос в себе, со своими собственными мыслями и идеями. Славно и поэтично, если эти два мира встречаются свободно и равноправно. Даже если это продолжается недолго, это стоит того. Но в тот момент, когда два мира принуждают жить вместе, вся красота и утонченность исчезают, и не остается ничего, кроме пожухлой листвы. Тот, кто поймет эту несложную истину, считает, что ревность ниже его, и не позволит ей висеть как Дамоклов меч над своей головой.

Всем любовникам лучше оставить двери своей любви открытыми. Когда любовь может без страха входить и выходить, не опасаясь встретить цепного пса, ревность не сможет пустить корни, потому что она вскоре поймет, что там, где нет замков и ключей, нет места подозрениям и недоверию, двум элементам, на которых ревность растет и процветает.

Торговля женщинами

Наши реформаторы внезапно сделали великое — открытие узнали о существовании работорговли белыми людьми. Газеты полны описаний этих «неслыханных обстоятельств», а законодатели уже планируют создание нового пакета законов с тем, чтобы попытаться прекратить этот кошмар.

Знаменательно, что, как только требуется отвлечь внимание общественности от крупных социальных зол, тут же организуется крестовый поход против того, что противоречит общественной морали: проституции, азартных игр, питейных заведений и проч. Каков же результат этих крестовых походов? Азартные игры становятся все более распространенными, питейные заведения процветают, приторговывая с черного хода, а проституция достигает своего апогея благодаря многочисленным сутенерам и сводникам.

Как могло произойти, что о существовании этого явления, знакомого почти каждому ребенку, стало известно столь внезапно? Как могло случиться; что зло, известное всем социологам, вдруг приобрело первостепенную значимость?

Признать, что последние расследования в сфере работорговли белыми людьми обогатили нас новыми фактами (кстати, весьма поверхностные расследования), это расписаться по крайней мере в собственной глупости. Проституция была и остается широко распространенным злом, и тем не менее мужская часть населения продолжает свое дело, оставаясь абсолютно равнодушной к страданиям и горестям своих жертв. Столь же равнодушной, как и в отношении к нашей промышленной системе или же к экономической проституции.

И лишь когда людские страдания превращаются в ярко раскрашенную игрушку, люди, подобно младенцам, проявляют к ней интерес хотя бы на какое-то время. Как капризным детям, им каждый день нужна новая игрушка. «Праведный» клич против белой работорговли и есть такая игрушка. Она служит для их радости какое-то время и способствует возникновению новых толстосумов от политики паразитов, расплзающихся по миру в качестве инспекторов, следователей, сыщиков и тому подобное.

Какова реальная причина торговли женщинами? Не только белыми, но также и «желтыми», и чернокожими женщинами. Конечно же, эксплуатация. Безжалостный Молох капитализма, богатеющий за счет низкооплачиваемого труда, толкает тем самым тысячи женщин и девушек на панель. Подобно миссис Уоррен [героиня пьесы Б.Шоу «Профессия мисси Уоррен»] эти женщины вопрошают: «Зачем всю жизнь всего за несколько шиллингов гнуть спину посудомойкой, работая по восемнадцать часов в день?»

Естественно, наши реформаторы не обмолвились ни словом об этой причине. Они достаточно хорошо с ней знакомы, но что пользы говорить о ней? Куда выгоднее разыгрывать фарисеев, изображая поруганную нравственность, нежели докапываться до

самой сути вещей. (...)

Повсюду женщину оценивают не по ее труду, но по ее полу. Почти повсюду ей приходится расплачиваться за право на существование, за то положение, которое она занимает, доставляя сексуальное удовлетворение. Таким образом, продает ли она себя одному мужчине, выходя за него замуж или нет, или же многим мужчинам различие не велико. Признают это наши реформаторы или нет, экономическая и социальная зависимость женщины является причиной проституции.

Сегодня наши добропорядочные граждане потрясены сообщениями, что в одном лишь Нью-Йорке каждая десятая женщина работает на фабрике, что ее средняя зарплата составляет лишь шесть долларов в неделю, продолжительность которой от сорока восьми до шестидесяти часов, и что большинство женщин-работниц постоянно, в течение нескольких месяцев оказываются безработными, получая, таким образом, примерно двести восемьдесят долларов в год. Ознакомившись с этими жуткими экономическими выводами, стоит ли удивляться, что проституция и белая работоторговля стали столь частыми явлениями? (...)

Доктор Альфред Блашко в своей работе «Проституция в XIX веке» еще более эмоционально характеризует экономические условия как один из основных факторов проституции:

«Хотя проституция существовала во все времена, девятнадцатый век знаменателен тем, что она превратилась в колоссальный социальный институт. Развитие промышленности с привлечением широких народных масс на рынок рабочей силы, рост и переполнение крупных городов, незащищенность и неуверенность в трудоустройстве дали проституции тот импульс, о котором и думать не думали на ранних периодах человеческой истории».

Да и Хавлок Эллис, не столь категоричный в вопросах, касающихся экономики, вынужден признать, что прямо ли, косвенно ли, но в этом основная причина проституции. Он приходит к выводу, что значительный процент проституток составляют бывшие служанки, хотя последние в меньшей степени обременены заботами и в большей степени защищены. С другой стороны, мистер Эллис не отрицает, что изнуряющий монотонный труд прислуги, а главное, что она едва ли разделяет наравне с хозяевами радости семьи, дома, заставляют женщину искать развлечений и забытья в веселье и блеске проституции. Другими словами, служанка, которую эксплуатируют как чернорабочую, которая никогда не принадлежит самой себе, измученная капризами своей хозяйки, может найти отдушину, подобно фабричной работнице или продавщице, лишь в проституции.

Самая замечательная сторона вопроса, обсуждаемого сейчас, это негодование наших «добропорядочных граждан», особенно различных христианских джентльменов, которых всегда можно видеть в первых рядах участников любого крестового похода. Может быть, оттого, что они совершенно невежественны в истории религии, и в особенности христианской? Или же они надеются отвлечь внимание нынешнего поколения от той роли, которую в прошлом играла церковь в отношении проституции? Что бы ни было тому причиной, они в последнюю очередь болеют за несчастных жертв, ибо любому интеллигентному молодому человеку известно, что проституция имеет религиозные корни, на протяжении многих веков ее сохраняли и подпитывали не стыд, но добродетель,

приветствовавшаяся самими богами. (...)

В наше время церковь несколько более осторожна в этом направлении. По крайней мере, она не требует в открытую почитания от проституток. Однако, как, например, церковь Троицы, не считает зазорным получать выгоду от сомнительных заведений, сдавая по непомерной цене грязные углы тем, кто живет проституцией и за счет проституции.

К сожалению, объем моей статьи не позволяет мне коснуться проституции в Древнем Египте, Древней Греции, Древнем Риме и на протяжении средних веков. Хотя последний из этих периодов заслуживает особенного внимания, поскольку в те времена проститутки создали гильдии, возглавляемые своей королевой борделя. Для того чтобы улучшить условия и сохранить на едином уровне оплату, эти гильдии устраивали забастовки. Этот их метод, понятно, куда более действен, чем те, к которым прибегают современные наемные рабочие.

Было бы неверно и в высшей степени поверхностно утверждать, что экономический фактор является единственной причиной проституции. Есть и другие, не менее важные. Наши реформаторы знают, о чем речь, но решаются обсуждать эти проблемы еще менее охотно, чем само явление, которое тянет соки, как из мужчин, так и из женщин. Я имею в виду проблему пола, само упоминание о которой вызывает у большинства моральные спазмы.

Общепризнано, что женщину воспитывают как сексуальный товар, однако держат ее в полном неведении о значении и важности половой жизни. Все относящееся к этой теме подавляется, а тех, кто хотел бы пролить свет на эту ужасающую тьму, преследуют и бросают в тюрьмы. Но коль скоро девушке не суждено знать о мерах безопасности, о роли самой важной части ее жизни, не следует и удивляться тому, что она становится легкой добычей для проституции либо другой формы отношений, ставящей ее в положение предмета для чисто сексуального удовлетворения.

Благодаря этому неведению вся жизнь и природа девушки разрушены и покалечены. Издавна как само собой разумеющееся мы признали тот факт, что юноша может следовать зову дикой природы, иначе говоря, как только его половое влечение возникнет, он может это влечение удовлетворить; но наши моралисты поднимают скандал при одной мысли, что подобным же образом может проявляться и сексуальное влечение девушки. В понимании моралиста проституция состоит не в том, что женщина торгует своим телом, но в том, что она делает это вне брака. То, что это не пустые слова, доказывает тот факт, что брак из корысти абсолютно законен, признан юридически, принят общественным мнением, тогда как любой другой союз осуждается и отвергается. Хотя понятие «проститутка», если быть точным, означает только лишь «любое лицо, для которого половые отношения подчинены выгоде».

«Те женщины являются проститутками, кто торгует собой для занятий половым актом и делает это своей профессией». В действительности Банже [автор книги «Преступность и экономические условия»] идет дальше; он утверждает, что к занятию проституцией «полностью может быть отнесен брак, заключенный между мужчиной и женщиной из экономических соображений».

Разумеется, замужество является целью для любой девушки, но, покуда тысячи из них не могут выйти замуж, наши уродливые общественные устои обрекают их либо на безбрачие, либо на проституцию. Человеческая природа проявляет себя, невзирая на все законы, и уж тем более нет причин считать, что она должна подчиняться извращенным понятиям о морали.

В обществе принято считать сексуальный опыт мужчины естественной частью его общего развития, подобный же опыт в жизни женщины рассматривается уже как страшное бедствие, потеря чести, всего, что есть доброго и благородного в человеке. Эта двойная мораль сыграла немалую роль в возникновении и упрочении проституции. Призывая оставлять молодых людей в полном неведении в области секса и называя это неведение «невинностью», доводя их до нервного истощения и перенапряжения, она устанавливает такое положение вещей, какого так пытаются избежать или предотвратить наши пуритане.

Не сексуальное удовольствие ответственно за проституцию, а жестокое, бессердечное, преступное преследование тех, кто осмеливается сойти с проторенного пути.

Девушки, совсем еще дети, трудятся в битком набитых, душных помещениях по десять двенадцать часов в день у фабричных станков, что приводит их к определенному перевозбуждению. У многих из них нет ни дома, ни элементарных условий для отдыха, поэтому улица или любое другое место, где можно дешево развлечься, единственное средство забыть об изнуряющем труде. Естественно, что это приводит их к тесной близости с противоположным полом. Трудно утверждать, какой из этих двух факторов является решающим для девочки-подростка, рано созревшей в сексуальном отношении, но совершенно естественно, что возбуждение должно получить разрядку. Вот первый шаг к проституции. Но не следует осуждать за это девушек. Напротив, это всецело вина всего общества, результат нашего недопонимания, недооценки жизненных условий. И более всего вина за это лежит на наших моралистах, проклинающих женщину за то, что она сошла с «пути добродетели», приобретя первый половой опыт без санкции церкви.

Молодая женщина чувствует себя отверженной, перед ней захлопываются двери родного дома, от нее отворачивается общество. Воспитание и традиции твердят ей, что она развращена, она чувствует себя падшей, под ее ногами разверзается земля, и не за что уцепиться, чтобы выбраться из пропасти. Остается лишь лететь вниз. Так общество само творит жертвы, от которых в дальнейшем пытается напрасно избавиться. Самый низкий, развращенный, самый дряхлый мужчина считает, что он слишком хорош для того, чтобы взять в жены женщину, чью честь он готов был купить, пусть даже лишь для того, чтобы спасти ее от полной ужаса жизни. Она не может обратиться за помощью к родной сестре. В своей глупости последняя считает себя более достойной и целомудренной, не осознавая, что во многих отношениях ее положение куда более плачевно, нежели у ее сестры, оказавшейся на панели.

«В сравнении с проституткой женщина, выходящая замуж из корысти, — говорит Хавлок Эллис, — настоящий штрейкбрехер. Ей меньше платят, хотя она гораздо больше трудится и заботится о своем хозяине, от которого полностью зависит. Проститутка никогда не поступится своими правами как личность, она сохранит свою свободу, и ничто не заставит

ее полностью подчиниться мужским обьятиям».

Эта «более достойная» женщина не осознает апологетического утверждения Леки о том, что, «даже будучи в высшей степени порочной, она одновременно и самая ревностная хранительница добродетели; но для нее семейное счастье осквернено, а унижающие и неестественные для человека отношения — в изобилии».

Моралисты даже готовы пожертвовать половиной человечества ради какого-то жалкого установления, избавиться от которого они не в силах. По сути дела, проституция в такой же степени охраняет чистоту семейного очага, в какой и строгие законы охраняют нас от проституции. Не меньше пятидесяти процентов женатых мужчин являются — посетителями борделей. Именно в силу этого «добродетельного фактора» замужние женщины — даже дети! — заражены венерическими болезнями. И хотя общество ни слова упрека не произнесло в адрес мужчин, зато нет такого чудовищного закона, который не применялся бы в отношении беспомощной жертвы. Она не только становится добычей тех, кто использует ее, но и оказывается в полной власти каждого полисмена, жалкого сыщика, инспектора, тюремных служащих. В недавно вышедшей книге, автор которой, женщина, в течение двенадцати лет была хозяйкой одного из публичных «заведений», мы встречаем следующие свидетельства: «Власти заставляли меня платить ежемесячные штрафы от 14 долларов 70 центов до 29 долларов 70 центов, а девочки платили полиции от 5 долларов 70 центов до 9 долларов 70 центов.» Учитывая, что речь идет о «заведении», находящемся в небольшом городке, а также то, что существуют еще разного рода взятки и штрафы, легко представить себе те доходы, которые полиция извлекает из кровных средств своих жертв, которых даже не защищает. Горе тем, кто отказывается платить дань; их выгонят, подобно скоту, хотя бы просто «для того, чтобы произвести благоприятное впечатление на добропорядочных жителей города либо если властям потребовались дополнительные средства на стороне. Извращенный ум, полагающий, что падшей женщине чужды человеческие чувства, не способен осознать и те скорбь, бесчестье, слезы, уязвленную гордость, которые выпадали на нашу долю каждый раз, когда нас сгоняли».

Не правда ли, странно, что женщина, содержащая «заведение», может испытывать подобные чувства? Но еще более странно, что христианский мир требует деньги у этих женщин, не давая им взамен ничего, кроме оскорблений и преследований. Вот оно, христианское сострадание!

Много дискутируют о ввозящихся в Америку «белых рабах». Как Америка сможет сохранить свое целомудрие, если Европа не придет ей на помощь? Я не стану отрицать того, что в некоторых случаях так оно и есть, не стану отрицать, что в Германии, да и в других странах эмиссары завлекают в Америку рабочую силу; но я полностью отрицаю, что проституция в каких бы то ни было масштабах вербует в Европе. Вполне возможно, что большинство нью-йоркских проституток — иностранки, но причина здесь в том, что иностранцами является большинство населения страны. Если мы рассмотрим положение в любом другом из городов Америки, в Чикаго или где-нибудь на Среднем Западе, то обнаружим, что там проституток-иностранок явное меньшинство.

Явно преувеличено и мнение о том, что большинство уличных девиц начали заниматься проституцией еще до своего приезда в Америку. Большинство из них безупречно владеет английским языком, у них типично американские привычки и внешний вид, что возможно, только если вы прожили в этой стране много лет. Следовательно, к проституции их толкнули американские условия, истинно американская склонность к чрезмерной роскоши и дорогим нарядам, что, разумеется, требует денег, — денег, которые невозможно заработать в мастерских и на фабриках.

Другими словами, нет оснований полагать, что мужчина станет тратиться на импортный товар, в то время как американский рынок с лихвой переполнен тысячами девиц. С другой стороны, есть достаточные доказательства и того, что экспорт американских девушек в целях проституции носит не единичный характер. (...)

Находясь в стеклянном доме, крайне неразумно швыряться камнями; к тому же американский стеклянный дом довольно хрупок, его легко разбить, да и внутренний вид у него далеко не привлекательный. (...)

Лишь взгляды образованных людей, далеких от обличий проституции с точки зрения морали и права, способны исправить сложившуюся ситуацию. Преднамеренное нежелание видеть в этом зле социальный фактор, увязывать его с современной жизнью может только ухудшить положение дел. Мы должны обуздать собственную гордыню, перестать считать себя «лучше тебя» [Библия. Первая книга царств. 15.28] и научиться распознавать в уличной женщине продукт общественных условий. Это избавит нас от лицемерия и обогатит пониманием, научит гуманности. Что касается полного избавления от проституции, то оно станет возможным лишь тогда, когда произойдет переоценка ценностей, и прежде всего моральных, а также будет покончено с рабством в промышленности.

Трагическое в эмансипации женщины

Начну с признания: несмотря на все политические и экономические теории, занимающиеся основными принципами различия между группами людей, несмотря на все неестественные разграничения между правами мужчин и правами женщин, я убеждена, что есть пункт, в котором все эти различия не находятся более в противоречии друг к другу и сливаются воедино.

Это не означает, что я предлагаю заключить перемирие. Общие социальные противоречия, проявляющиеся сегодня повсеместно и вызванные противоречивыми и враждебными интересами, откроют свою абсурдность в тот момент, когда новый порядок нашей общественной жизни, который основывается на экономической справедливости, станет реальностью.

Мир и гармония между полами и людьми зависит не только от формального правового уравнивания людей и не предполагает стирания всех индивидуальных черт и признаков. Проблема, что встаёт перед нами и срочно требует своего решения, заключается в том, чтоб жить по собственным потребностям и одновременно не упускать из виду потребностей других, мочь интересоваться другими людьми и всё же сохранять свою личность. Это для меня – основа, на которой могут встретиться массы и личность, настоящий демократ и настоящий человек, мужчина и женщина без вражды и оппозиции. Лозунг должен звучать: не «прощайте друг другу», но «попытайтесь понять друг друга». Часто цитируемая сентенция мадам де Сталь «понимать всё – означает прощать всё» никогда мне особенно не нравилась, в этом есть что-то религиозное, простить кому-либо, содержит частичку Безошибочности. Понять кого-либо — достаточно. Моё признание является отчасти выражением моей оценки женской эмансипации и её воздействия на отношения полов.

Эмансипация должна была дать женщине возможность быть человеком в самом правдивом смысле. Все ее силы, требующие действия и признания, должны были найти выражение; все неестественные препятствия – убраны, и путь к большей свободе должен был быть очищен от следов векового угнетения и рабства.

Это было изначальной целью женского движения. Но то, что было с тех пор достигнуто, изолировало женщину и отняло у неё источник радости, который для неё так важен.

Исключительно формальная сегодняшняя эмансипация сделала из женщины неестественное существо, напоминающее продукты французского садоводства с его витиеватыми деревьями и кустами, пирамидами, колёсами и венками; этим выражается всё что угодно, но не внутренние качества и способности. Таких неестественных женских

существ существует целое множество, особенно в интеллектуальных кругах.

Свободы и равенства женщине! Что за надежды и ожидания были разбужены этими словами, когда они были произнесены в первый раз некоторыми величайшими и смелейшими умами того времени. Новое, пылающее и светящее солнце, казалось, восходит над миром; в этом мире женщина была свободна взять свою судьбу в собственные руки – цель, вполне достойная великого воодушевления, смелости, выносливости и упорного труда многих мужчин и женщин, которые всё пустили в ход против мира предрассудков и непонимания.

И мои надежды ориентируются на эту цель, однако я полагаю, что женская эмансипация, как она сегодня интерпретируется и практикуется, не может туда привести. Сегодня для женщины стало необходимо эмансипироваться от эмансипации, если она хочет быть свободной. Это, может, и звучит парадоксально, но является, однако, правдой.

Чего она (женщина) достигла через эмансипацию? В некоторых государствах — равенства выборных прав. Избавило ли это нашу политическую жизнь от грязи, как некоторые благонастроенные заступники это предсказывали? Уж точно нет. В действительности, давно уже пора людям с ясным и здоровым рассудком прекратить говорить о коррупции в политике менторским тоном. Коррупция в политике не имеет ничего общего с понятиями о морали или разболтанной моралью политиков. Она покоится на исключительно материалистских явлениях. Политика – это отражение экономики и индустрии с её лозунгами: «покупай подешевле, продавай подороже», «брать лучше, чем давать» и «рука руку моет». Нет надежды, что женщина – несмотря на выборное право – освободит политику от грязи.

Эмансипация принесла женщине экономическое равенство, то есть она может выбирать себе профессию и ремесло; но поскольку она физически не всегда в состоянии состязаться с мужчиной, она должна применять все свои силы, расходовать свою жизненную энергию и напрягать свои нервы до предела, чтобы достигнуть «рыночной стоимости». И только часть успешна, так как известно, что учительницам, женщинам-адвокатам, врачам, инженерам не доверяют так, как их коллегам-мужчинам, да и платят им неодинаково. А те, кто действительно достигает манящего равенства, достигают его большей частью за счёт физического и психического здоровья. Сколько независимости достигнуто, если массы работающих женщин и девушек меняют отупение и недостаток свободы дома на отупение и недостаток свободы на фабрике, на предприятиях эксплуатации, в магазине и бюро? К этому ещё и бремя многих женщин, которые после тяжёлого рабочего дня должны заботиться о доме и очаге – холодно, недружелюбно, неприбрано, безутешно! Что за чудесная независимость! Нечего удивляться, когда так много молодых девушек, которые сыты по горло своей «независимостью» за прилавком, швейной или печатной машинкой, используют каждую возможность выйти замуж. Они точно так же хотят замуж, как и девушки средних классов, которые, собственно, хотят ускользнуть из-под родительской опеки. Так называемая независимость, ведущая только к минимальному заработку – не так маняща и идеальна, что можно было бы ожидать, что женщина пойдёт ради неё на всё. Наша хваленая независимость является, в конце концов, только процессом постоянного изнасилования естественных качеств женщины, её желания любви и материнского чувства.

Тем не менее, положение женщин-работниц намного естественнее и человечнее, чем у их, казалось бы, более счастливых сестёр в профессиях, предполагающих более высокую степень образования – учительниц, женщин-врачей, адвокатов, инженеров и т.д., которые должны производить корректное и достойное впечатление, в то время как их чувственность охладевает и остывает.

Твердолобость сегодняшнего понимания эмансипации женщины; страх перед любовью к мужчине, стоящему общественно ниже, чем она; страх, что любовь отнимет у неё свободу и независимость; ужас, что любовь или материнство помешают ей заниматься профессиональной деятельностью – всё это имеет такое воздействие, что эмансипированная женщина неизбежно становится старой девой, мимо которой проходит жизнь с её взлётами и падениями, не задевая и совсем не захватывая её внутреннего мира.

Эмансипация, как она понимается большинством её последовательниц и представительниц, слишком узко схвачена, чтобы оставить место безграничной любви и нежности, которые так глубоко укоренены в мире ощущений настоящей женщины, любовницы и матери.

Трагедия обеспечивающей саму себя или экономически независимой женщины заключается не в чрезмерно большом, а в очень маленьком опыте. Хотя, в отношении знаний о мире и о людях она в лучшем положении, чем её сёстры прошлых поколений; но именно поэтому она ещё сильнее чувствует недостаток того существенного в её жизни, что единственно может обогатить дух человека и без чего большинство женщин стали автоматами своих профессий.

Что к этому все придет, было предсказано ещё давно теми, кто понимал, что в области этики было множество реликтов из времён, когда безраздельно правил мужчина; остатки, которые всё ещё считаются употребительными. И, что важнее, многие эмансипированные женщины совсем не могут без них обойтись. В каждом движении, которое намеревается уничтожить существующие институты и заменить их более прогрессивными и совершенными, есть деятели, которые теоретически выступают за радикальные идеи, в повседневной же жизни точно так же мелкобуржуазны, как и прочие, делают приличный вид и хотят быть уважаемы своими врагами. Есть, к примеру, социалисты или анархисты, громко прокламирующие, что собственность — это кража, и одновременно возмущающиеся тем, что кто-то должен им, может быть, дюжину булавок.

Такие же мещане есть и в женском движении. Жёлтая пресса и дурные писатели так представили эмансипированную женщину, что у простого смертного и его сограждан волосы дыбом встают. Каждая правозащитница была представлена наподобие Жорж Санд – так, как будто она абсолютно аморальна. Ничто для неё не свято. Она не выказывала никакого почтения перед идеальными отношениями между мужчиной и женщиной. Короче, эмансипация стала синонимом легкомысленной жизни, полной порока и греха, без оглядки на общество, религию и мораль. Правозащитницы показали себя весьма возмущёнными такими интерпретациями и – к сожалению им не хватало юмора – приложили все усилия, чтоб доказать, что они вовсе не так плохи, как их малюют, как раз наоборот. Конечно, женщина не могла быть хорошей и чистой, пока она была рабой мужчины, теперь же, когда она стала свободной и независимой, она могла бы доказать, какой хорошей она может быть

и что её влияние имеет освобождающее воздействие на все общественные институты. Женское движение, конечно, порвало многие старые путы, однако, одновременно помогло создать новые. Великое, правдивое женское движение нашло очень немногих последовательниц, которые могли смотреть в лицо свободе без страха. Их твердолобая и пуританская оценка движения изгнала мужчину, как нарушителя спокойствия и неоднозначную фигуру, из их чувственной жизни. Мужчину не в коем случае не терпели, разве что как отца ребёнка, поскольку дети едва ли рождаются без отцов. К счастью, и строгие пуритане никогда не будут в силах убить врождённый материнский инстинкт. Но свобода женщины тесно связана со свободой мужчины, и многие из моих так называемых эмансипированных сестёр, кажется, не замечают, что рождённый в свободе ребёнок требует любви и заботы все окружающих его людей, были бы они мужского или женского полу. К сожалению, из-за этой твердолобой оценки человеческих отношений жизнь мужчин и женщин сегодня, зачастую, так безутешна. Примерно пятнадцать лет назад вышел труд замечательной норвежки Лауры Мархольм «Женщина. Исследование характера» (Woman. A character study). Она была одной из первых, кто обратил внимание на пустоту и твердолобость тогдашних представлений о женской эмансипации и их безрадостное влияние на внутреннюю жизнь женщины. В своём труде Лаура Мархольм рассказывает истории нескольких одарённых женщин с международной славой: выдающаяся Элеонора Дузе; великолепный математик и писательница Софья Ковалевская; художница и поэтесса Мария Башкирцева, которая умерла такой молодой. В каждой биографии этих выдающихся женщин вьется красной нитью их неутолённое стремление к полной, гармоничной и прекрасной жизни и их беспокойство и одиночество, из-за того, что в этом им было отказано. Из этих замечательных психологических портретов, разумеется, можно сделать вывод, что чем женщина умнее, тем труднее ей найти подходящего партнёра, который видел бы в ней не только сексуальность, но и личность, которая не могла бы или не должна была бы отказаться хотя бы от одной черты своего характера.

Среднестатистический мужчина, с его самоуверенностью и смехотворным чувством превосходства над женским полом, является для женщины, как она представлена в исследовании характеров Лауры Мархольм, невозможным партнёром. Так же невозможен для неё мужчина, который видит только её душу и интеллект, но не может обратиться к ней как к женщине.

Интеллект и непреклонный характер, обычно рассматриваются как признаки сильной и великой личности. Для сегодняшней женщины эти признаки представляют помеху её полного признания. Более ста лет традиционный брак, защищённый Библией, «пока смерть не разлучит вас», рассматривался как институт, равноценный власти мужчины над женщиной, с её полной беззащитностью перед его настроениями и приказами и абсолютной зависимостью от его имени и поддержки. Было показано, что в традиционном браке женщина в своих функциях была ограничена в роли служанки и матери детей для мужчины. И, тем не менее, есть множество эмансипированных женщин, предпочитающих брак со всеми его недостатками ограниченности одинокой жизни: узкой и невыносимой, так как моральные и общественные предрассудки удерживают её от полного раскрытия личности.

Объяснением такого непоследовательного поведения многих прогрессивных женщин служит факт, что они не правильно поняли значение эмансипации. Они думали, что

единственно нужным является освобождение от внешних уз; внутренние узы, слишком вредно влияющие на их жизнь и развитие – этические и общественные соглашения – были оставлены без внимания и сделали своё дело. Они кажутся такими же укоренёнными в головах и сердцах наших самых активных правозащитниц, как ещё в головах и сердцах наших бабок.

Эти внутренние узы, имеют ли они форму общественного мнения или вопроса «что скажет об этом мама» или брат, отец, тётка или какой-нибудь другой родственник; что скажет об этом мистер Гунди, мистер Коумсток, работодатель, министерство воспитания? Все эти выскочки, детективы морали, тюремные надсмотрщики человеческой души, что скажут они об этом? Пока женщина не научилась сопротивляться им, твёрдо стоять на своих ногах и настаивать на своей неограниченной свободе, слушать свой внутренний голос, идёт ли речь о величайшей сладости в жизни, любви к мужчине, или о её величайшей привилегии, возможности подарить жизнь ребёнку, она в действительности не эмансипирована. Сколько эмансипированных женщин смелы настолько, чтобы признать, что в них звучит голос любви, бешено стучится в груди и требует быть услышанным и удовлетворённым? Французский писатель Жан Рейбрах пытается в одном из своих романов, «Новая красота», показать идеальную, прекрасную, эмансипированную женщину. Этот идеал воплощён молодой девушкой-врачом. Она говорит очень мудро и умно о том, как кормить детей; она очень добра и раздаёт бедным матерям медикаменты бесплатно. Она разговаривает с одним знакомым молодым человеком о гигиенических условиях будущего и о том, что различные бактерии и микробы должны быть уничтожены через строительство каменных полов и стен и упразднение ковров и гардин. Само собой, что она очень элегантно и практично одета, часто – в чёрное. Молодой человек, который был при первой встрече сильно впечатлён мудростью эмансипированной женщины, постепенно начинает её понимать и однажды понимает, что любит её. Поскольку оба молоды, она — добра и красива, хотя она всё время очень строго одета, впечатление смягчается белоснежным воротничком и манжетами. Можно ожидать, что он признается ей в любви, но он считает это слишком романтичным. Поэзия и любовное помешательство прячутся, краснея, перед чистотой девушки. Он подавляет свой внутренний голос и остаётся корректным. Она также всегда ведёт себя корректно, рационально и благовоспитанно. Я почти уверена, если бы эти двое поженились, молодой человек дал бы всему «замёрзнуть». И я вынуждена признаться, что не могу найти в этой картине новой красоты ничего красивого, так как девушка так же холодна, как и каменные пол со стенами в её мечтах. Тут мне приятней романтические песни, Дон Жуан и Венера, ночное похищение при лунном свете с верёвками и лестницами, сопровождаемое проклятием отца, слёзами матери и пересудами соседок, чем корректность и железные формы приличия. Если любящие не в состоянии брать и давать без ограничений, речь идёт не о любви, а о заключении контракта, при котором постоянно взвешиваются плюсы и минусы.

Огромное ограничение испытывает эмансипация в неестественной неподвижности и твердолобых правилах приличия, которые вызывают в женской душе пустоту, запрещающую ей пить из источника жизни. Я уже отмечала выше, что между старомодной матерью и домохозяйкой, которая всегда готова заботиться о счастье своих детей и благе своих домашних, и действительно эмансипированной женщиной состоит более глубокое родство, чем между последней и её якобы эмансипированными сёстрами. Ученицы

эмансипации объявили меня просто язычницей, по которой костёр плачет. Их слепое усердие не даёт им увидеть, что моё сравнение между старым и новым служит только доказательству того, что многие наши бабки имели больше крови в венах и были куда веселей, и, наверняка, куда естественней, чем многие из наших эмансипированных тружениц духа, что населяют университеты, экспериментальные помещения и бюро. Что не означает, что я хочу вернуться в прошлое или загнать женщину обратно в её старый мир, на кухню и к заботе о детях.

Решение лежит в движении вперёд к более прекрасному и ясному будущему. Мы должны обязательно вырасти из старых традиций и привычек. Женское движение сделало как раз маленький шаг в этом направлении. Остаётся надеяться, что оно найдёт силу стремиться дальше. Право голоса или равные гражданские права – достойные требования, но действительная эмансипация начинается не у выборной урны и не в суде. Она начинается в сердце женщины. История учит нас, что каждый угнетённый класс достигал освобождения от своих господ только собственными усилиями. Необходимо, чтобы женщина с этим согласилась, чтобы она поняла, что её свобода будет достигать таких же пределов, как и её сила для достижения этой свободы. Поэтому ещё важнее освободиться от груза предрассудков, традиций и привычек. Требование равных прав – справедливо и честно; в конце концов, важнейшее право – право любить и быть любимой. Если частичная эмансипация действительно должна стать полноценной и чистой эмансипацией, нужно отбросить смехотворные представления о том, что быть любимой, быть любовницей и матерью – равнозначно бытию рабы и подчинённой. Нужно отбросить абсурдные представления о дуализме полов или о том, что мужчина и женщина — представители двух враждующих лагерей.

Мелочность разделяет, великодушие объединяет. Давайте быть великими и великодушными. Давайте за всем тривиальным не терять из вида важного. В настоящих отношениях между мужчиной и женщиной не будет побеждённых и победителей, а только одно: всё время отдавать, чтобы стать ещё богаче, мочь глубже ощущать и становиться лучше. Только это может заполнить пустоту, может заменить трагичное в эмансипации женщины на счастье, безграничное счастье.

Что я думаю...

«Что я думаю» было часто темой известных писак. Ходили настолько бескровные и безжизненные истории обо мне, что не удивительно, что у среднестатистического человека уже при простом упоминании имени Эмма Голдман ёкает сердце. Действительно, жаль, что мы не живём больше во времена, когда ведьм сжигали или мучили у столба, чтобы изгнать из них злой дух. Ведь Эмма Голдман — несомненно ведьма! Хотя она и не пожирает младенцев, она же занимается куда более плохими вещами. Она изготавливает бомбы и играет в свои игры с коронованными особами! Б-р-р-р! Это впечатление, которое имеет обо мне и моих убеждениях общество. Поэтому надо действительно быть весьма благодарным „The World“, за то, что даёт своим читателям хотя бы возможность узнать, каково моё мнение в действительности.

Тому, кто изучает историю прогрессивного мышления, пожалуй ясно, что каждая идея была неверно представлена в её начальных стадиях и что представителей таких идей оклеветывают и преследуют. Даже не нужно возвращаться на две тысячи лет назад, во время, когда тех, кто верил в Христа, бросали на арену или в тюрьму, чтобы понять насколько мало бывают поняты великие мысли или серьёзные мыслители. История прогресса написана кровью тех мужчин и женщин, которые осмелились связать себя с непопулярной идеей, как, к примеру, право чёрных на собственное тело или право женщин на собственную душу. И если уж всему новому с незапамятных времён отвечают сопротивлением и проклятием, то почему бы не надеть терновый венец и на мои мысли?

«Что я думаю» представляет собой скорее процесс, чем нечто окончательное. Определённости — для богов и правительств, не для человеческого рассудка. Может быть, что формулировка свободы по Герберту Спенсеру как политическая основа общества является одной из самых важных в своём роде; жизнь, тем не менее, означает больше, чем формулы. В борьбе за свободу, как хорошо подметил Ибсен, это прежде всего борьба за свободу, не столько её достижение; она раскрывает всё самое сильное, крепкое и прекрасное в человеческом характере.

Анархизм шагает вперёд, как процесс, не только «мягкой поступью» и защищает всё, что является полноценным творческим в плане органичного развития. Он показывает себя как отчётливый протест самого воинственного толка. Он представляет собой бескомпромиссную, упрямую и проникающую силу, чтобы отразить и одолеть интенсивные нападения и любую критику тех, кто в действительности дует в последние трубы распадающейся эры. Анархисты — ни в коем случае пассивные наблюдатели в театре социального развития; напротив, у них весьма позитивные представления о целях и методах.

Чтобы я могла выразиться, не занимая много места, так ясно, как только возможно, да будет мне разрешено предпринять тематическое разделение того, «что я думаю».

1. Касательно собственности

«Собственность» означает владение вещами и препятствование остальным в пользовании этими вещами. Пока производство отвечало нормальному спросу, существование институционно охраняемой собственности ещё могло быть оправдано. Стоит только спросить экономистов, чтобы увидеть, что продуктивность работы чудовищно возросла в последние десятилетия, что она превышает потребность в сотни раз и, что она сделала собственность не только препятствием людского благосостояния, но и блокадой, даже смертельным барьером на пути какого-либо развития. Частное владение вещами обрекает миллионы людей на бытие ничтожеств, живых трупов без оригинальности или воли к инициативе, человеческих машин из плоти и крови, которые водружают горы богатств для других, а сами расплачиваются за это собственным серым, скучным и жалким существованием. Я убеждена, что не может быть никакого действительного благополучия, общественного достатка, пока он оплачивается человеческой жизнью — молодой жизнью, старой жизнью и образующейся жизнью.

Все радикальные мыслители объявляют, что основная причина этого ужасного положения заключается в том, что (1) человек должен продавать свою рабочую силу и (2) его стремления и его мышление подчинены господину. Анархизм — это единственная философия, которая хочет и может изменить эту унижительную ситуацию. Он отличается от всех остальных теорий тем, что утверждает, что только развитие человека, его телесное самочувствие, его духовные способности и врождённые предрасположенности должны определять род и условия его труда. Так же физическая и духовная оценка каждого должны определять, сколько ему потреблять. Я полагаю, реализовать это можно будет только в таком обществе, которое строится на добровольном сотрудничестве производительных групп, общин и сообществ, которые заключаются свободно, и которое, движимое равенством интересов, вероятно разовьётся в свободный коммунизм. Не может быть свободы в широком смысле этого слова, никакого гармоничного развития, пока поведение каждого определяется большей частью экономическими и профитабельными интересами.

2. Касательно правительства

Я убеждена, что правительство, организованная власть и государство служат только тому, чтобы поддерживать и защищать собственность и монополию. Пользу они приносят только в этой функции. Что касается их функции как развивающих индивидуальную свободу, человеческого благополучия и общественной гармонии, которые представляют собой действительный порядок, то правительство было отвергнуто как непригодное всеми великими умами мира.

Поэтому я верю с моими анархистскими товарищами, что все законы, законодательные права и конституционные учреждения представляют собой нападения. Они ещё никогда не побуждали человека делать то, что он по своему уму или темпераменту не мог бы или не хотел бы делать; и они ни разу не предотвратили что-либо, к чему человек был принуждён тем же диктатом.

Красочное описание в «Человеке с крюком» Миллета, мастерское произведение Мойнира о шахтёрах, которые помогли поднять труд из его унижительного положения; описание низов общества у Горького; психологический анализ человеческой жизни у Ибсена; к этому никогда бы не могло побудить правительство; точно так же, как дух, побуждающий человека спасти утопающего ребёнка или раненую женщину из горящего дома, когда-либо будет вызван к жизни правительственным постановлением или полицейской дубинкой. Я верю — нет, я знаю точно, что всё доброе и прекрасное в человеке, не важно кто он, выражается и проявляет себя не из-за правительства, но как раз ему вопреки.

Из этого анархисты полагают, что анархия, отсутствие власти, сможет гарантировать широчайший и огромный спектр для беспрепятственного человеческого прогресса, основания дальнейшего социального развития и социальной гармонии. В типичный аргумент, что правительство влияет контролируя на преступления и пороки, более не верят и сами законодатели. Эта страна тратит миллионы долларов на содержание своих «преступников» за решёткой, но уровень преступности, тем не менее, поднимается. И этот факт вызван совсем не непригодностью законов! Девяносто процентов всех преступлений — с экономическими мотивами, и они коренятся в нашей экономической несправедливости. И пока они существуют, мы могли бы превратить все фонари в виселицы, нисколько не повлияв на уровень преступности в нашей среде. Преступления, вызванные генетически, точно не могут быть предотвращены законами. Само собой, мы учимся сегодня, что такие преступления могут быть вылечены лучшими медицинскими методами, если мы этого хотим, и прежде всего через дух глубочайшего понимания товарищества, дружественности и взаимопонимания.

3. Касательно милитаризма

Вообще-то, я не должна была уделять этой теме особое место, поскольку она принадлежит к атрибутам правительства, если бы не то обстоятельство, что как раз те, кто активно выступает против моих мыслей, и кстати, по причине, мол, они призывают к насилию, и есть сторонники милитаризма.

Факт есть, что анархисты — единственные истинные адвокаты мира, единственные, кто выступает против растущей тенденции милитаризма, которая быстро формирует империалистскую и деспотичную силу из некогда мирной страны. Ничто так безжалостно, бессердечно и жестоко, как милитаристский дух. Он питает организацию, для которой нет даже образа оправдания. Солдат суть профессиональный убийца людей, если повторить за Толстым. Он убивает не из любви к убийству, как дикарь, или из страсти, как убийца. Это хладнокровный, механичный, послушный своему военному командованию инструмент. Готовый по приказу высшего офицера резать глотки или потопить корабль, не зная или даже не заботясь о том, зачем и почему. В этом вопросе меня поддерживает немалое военное светило, генерал Фанстон. Напомню о его письме в *New York Evening Post* от 30 июля. Там он рассказывает о случае солдата Вильяма Бувалды, который привлёк к себе огромное внимание на всём северо-востоке.* Наш храбрый воитель говорит: «Первая обязанность каждого офицера и каждого обычного солдата заключается в непрекословном подчинении и безусловной верности правительству, которой он поклялся в верности; не

важно, признаёт он это правительство или нет.»

Как сочетается принцип «непрекословного подчинения» с принципом «жизни, свободы и стремления к счастью»? (строка из американской конституции) Убийственная сила милитаризма ещё не демонстрировалась в этой стране так действенно, как при недавнем осуждении Вильяма Бувалды из Сан Франциско, рота А, инженер, военным судом к пяти годам военной тюрьмы. Мужчина, который отслужил подряд пятнадцать лет.[1]

«Его характер и поведение были безупречны», говорит нам генерал Фанстон, который по рассмотрении сего сократил приговор Бувалды до трёх лет. Но Бувалда оказывается вышвырнутым из армии, разжалованным, лишённым права на пенсию и посаженным в тюрьму. Слушайте же, вы, свободнорожденные американцы! Вильям Бувалда посетил открытое выступление и пожал выступавшему после речи руку. Генерал Фанстон объявляет в своём письме, что поступок Бувалды является якобы «великим военным преступлением, куда худшим, чем дезертирство». Также в Портленде, Орегон, генерал заявил, что «преступление Бувалды так же тяжело, как предательство.»

Действительно, анархисты организовали собрание. Если бы социалисты его организовали, как поучает нас генерал Фанстон, не было бы никаких обвинений по поводу присутствия Бувалды. Генерал действительно заявляет: «Я бы и сам немедля посетил социалистическое собрание.» НО (!) посещение анархистского собрания с Эммой Голдман в качестве выступающего — что может быть большим «предательством»?

За это ужасное преступление отвечает мужчина, свободный американский гражданин, который пожертвовал этой стране пятнадцать лет своей жизни, и чей характер и поведение в то время были «безупречны», в тюрьме, без почестей, униженный, лишённый средств к существованию. Есть ли что-нибудь, что разрушило бы идеал свободы более, чем тот дух, сделавший приговор Бувалды возможным — тот дух непрекословного подчинения? На это ли пожертвовал американский народ в последние несколько лет 400 миллионов долларов и свои внутренние силу и энергию?

Я уверена, что милитаризм — постоянные армия и флот в какой-либо стране — это знак распада свободы и разрушения всего того, что в нашей стране можно назвать наилучшим и наипрекраснейшим. Становящийся всё громче крик о дополнительных военных кораблях и лучше вооружённой армии, с обоснованием, что они утвердят мир, так же абсурден, как и утверждение, что мирный человек — это тот, что разгуливает хорошо вооружённым. Тот же недостаток последовательности проявляется и у сторонников мира, которые выступают против анархизма, потому, что он якобы проповедует насилие, и которые были бы всё равно очень рады, была бы американская нация в ближайшее время в состоянии кидать бомбы с самолётов на беззащитных врагов.

Я уверена, милитаризм исчезнет в тот момент, когда все любящие свободу скажут своим господам: «Исчезни! Иди сам убивай! Мы достаточно долго жертвовали собой и своими близкими, чтобы сражаться за тебя. За это ты сделал из нас в мирное время паразитов и преступников, а в военное — заставил огрубеть. Ты разлучил нас с братьями и сделал из мира человечью бойню. Нет, мы больше не хотим убивать или сражаться за эту страну, что

ты у нас украл.» О, я верю всем сердцем, что братство и солидарность между всеми людьми осветит горизонт с его кроваво-красными полосами войны и разрушения.

4. Касательно свободы слова и прессы

Случай Бувалды — это только один момент в более глубоком вопросе свободы слова, свободы прессы и права беспрепятственно собираться.

Многие легковверные люди полагают, что принципы свободы прессы и слова могут быть правильно защищены и использованы в рамках конституционных гарантий. Это кажется мне единственным извинением устрашающих апатии и равнодушия в отношении ограничений свободы слова и прессы, которых мы отведали в этой стране в последние месяцы.

Я думаю свобода слова и прессы означает, что я могу говорить и писать всё, что мне вздумается. Это право становится фарсом, если оно регулируется конституцией, законами, всемогущими решениями почтового министра или полицейской дубинкой. Конечно, вы предупредите меня о последствиях, если мы освободим слово и прессу от оков. Я же уверена, что лекарство от последствий, вызываемых беспрепятственным выражением мнения, заключается в том, чтобы расширить право выражения мнения ещё более. духовные узы никогда не могли задержать движения прогресса; но преждевременные социальные возмущения зачастую вызывались волнами репрессий.

Не научатся наши правители, что такие страны, как Англия, Голландия, Норвегия, Швеция и Дания, страны с более широкой свободой слова, — страны, которые имеют менее всего этих «последствий»? И напротив: Россия, Испания, Италия, Франция и, к сожалению, даже Америка делают эти «последствия» напряжённейшим политическим фактором. Всё время утверждается, что наша страна управляется большинством; тем не менее, каждый полицейский, наделённый властью не большинством, может распускать собрания, уводить выступающих с трибуны и ударами разгонять слушателей в зале, в настоящей русской манере. Почтовый министр, не выбираемый чиновник, обладает властью запрещать публикации и изымать почту. Его решения так же неоспоримы, как решения российского царя. Я действительно верю, что нам нужна новая Декларация Независимости. Неужели нет современных Джефферсонов и Адамсов?

5. Касательно церкви

На недавнем собрании политических остатков некогда революционной идеи было высказано, что религия и членство в партии несовместимы. И с чего бы это им? Пока человечеству хочется доверять блаженство своей души дьяволу, до тех же пор оно может с той же последовательностью доверять благосостояние своих прав политикам. Что религия — дело личное, было сказано уже давно пре-марксистскими немецкими социалистами. Наши американские марксисты, безжизненные и бедные оригинальностью, должны отправиться в Германию, во имя их же мудрости. Эта мудрость сослужила уже дурную службу для загнания нескольких миллионов человек в дисциплинированную армию социализма. Она

могла бы устроить здесь то же самое. Во имя Господа, не станем оскорблять религиозные чувства народа!

Религия — это суеверие, берущее начало в духовной неспособности человека объяснить явления природы. Церковь — это организация, которая постоянно ставит палки в колёса прогрессу. Основание церкви отняло у религии её наивность и простоту. Она сделала религию кошмаром, который подавляет душу человека и заковывает разум в цепи. «Царствие тьмы», как называет церковь последний настоящий христианин, Лев Толстой, всегда было врагом человеческого становления и свободного мышления. И посему она не имеет места в жизни по-настоящему свободного народа.

6. Касательно брака и любви

Я полагаю, в этой стране нет темы более табуированной, чем эта. Кажется, что почти невозможно о ней говорить, не задевая чувства такта многих приличных людей. Не удивительно, при таком-то неведении в этом комплексе вопросов. Короткая дискуссия, даже если вести её открыто, свободно и с умом, не сможет очистить воздух от этих истерических, насыщенных эмоциями испарений, которые скрывают те жизненно важные темы, темы полные значения, как для благосостояния отдельных личностей, так и для общества.

Брак и любовь не равнозначны. Напротив, часто они противоречат друг другу. Конечно, многие браки заключаются по любви, но очень скоро узкие, материальные границы брака удушат нежные соцветия влечения.

Институт брака снабжает государство и церковь неслыханным доходом и средствами, с любопытством вторгаться в область жизни, которую многие люди долго рассматривали как их собственную, их необходимо собственную, священную область. Любовь — это то чрезвычайно сильное влияние на межчеловеческие отношения, которое с незапамятных времён противилось всем законам, которые сформулировали люди, и пробивало решётки церковных и моральных предписаний. Зачастую, брак — это чисто экономическое соглашение, которое снабжает женщину на протяжении всей её жизни средством к существованию, а мужчину — красивой игрушкой и гарантирует ему потомство. Это означает, что брак, или даже добрачное воспитание женщины, формирует из женщины, чтобы она могла жить, паразита, зависимую и беззащитную служанку, в то время как мужчину он снабжает документом на владение человеческой жизнью со всеми правами.

Что могут такие отношения иметь общего с любовью? С элементом, который должен бы стоять над всеми богатствами и властью и жить в собственном мире беспрепятственного человеческого выражения? Но мы живём не во времена романтики, не в дни Ромео и Джульетты, Фауста и Гретхен, не во время серенад при луне, цветов и песен. Мы живём в трезвое время. Наши главные мысли — о доходе. Тем хуже для нас, если мы достигли эпохи, когда высочайшие полёты души следует умерить.

Но если двое молятся в храме любви, что станет тогда с золотым тельцом, с браком? «Он составляет единственную уверенность для женщины, для ребёнка, для семьи, для

государства.» Но для любви он не составляет уверенности, а без любви не существует и не может существовать действительное основание. Без любви не следует рождаться ребёнку, без любви не следует честной женщине вступать в отношения с мужчиной. Опасения, что любовь не даёт достаточной финансовой уверенности для ребёнка, устарели. Я верю, если женщина посвятит себя своей эмансипации, её первое объявление независимости будет заключаться в том, чтобы восхищаться и любить мужчину за качества его сердца, а не за качества его кошелька. Второе объявление будет заключаться в том, что она возьмёт себе право следовать своей любви, без одобрения или препятствия со стороны окружения. Третьим и важнейшим объявлением будет абсолютное право на свободное материнство.

В такой матери и в настолько же свободном отце и заключается уверенность ребёнка. Они обладают силой и равновесием, чтобы создать атмосферу, только с которой человеческий росток может вырваться до небывалого цветка.

7. Касательно насилия

Вот я и добралась до пункта моего мировоззрения, по поводу которого в сознании американской общественности царит огромное непонимание. «Ну, скажи же, не проповедуешь ли ты насилия, не проповедуешь ли ты убивать венценосных особ и президентов?» Кто сказал, что я это делаю? Слышал ли ты, чтоб я такое говорила, слышал кто-нибудь, чтоб я такое говорила? Видел ли кто-нибудь подобное в нашей литературе, чёрным по белому? Нет, но тем не менее это утверждают газеты; все это утверждают; значит, так и есть. О, эта пронизательность, эта логика дорогой общественности!

Я утверждаю, что анархизм — это единственная философия мира, единственная теория социального порядка, которая ставит человеческую жизнь превыше всего. Я знаю, некоторые анархисты совершали акты насилия, но их подтолкнули к таким поступкам страшное экономическое неравенство и великие политические несправедливости, а не анархизм.

Каждый существующий общественный институт основан на насилии; даже наша атмосфера пропитана им. Пока это состояние продолжается, мы с таким же успехом можем надеяться остановить Ниагарский водопад, как и заставить насилие исчезнуть. Я уже упоминала, что в странах с определённым уровнем свободы слова почти не бывает или совсем нет террора. В чём мораль? Всё просто: никакое из деяний анархистов не свершалось во имя личной выгоды, прибыли или ради того, чтобы привлечь к себе внимание, но из сознательного протеста против определённых репрессивных, произвольных или тиранских мер сверху.

Цасиро убил французского президента Карно в ответ на нежелание Карно отменить смертный приговор Вайлана, за жизнь которого выступил весь литературный, научный и гуманитарный мир Франции. Бреси отправился за свой счёт в Италию, на что он сам зарабатывал на шелкопряднях в Патерсоне, чтобы по справедливости отплатить королю Умберто, за его приказ расстреливать беззащитных женщин и детей во время беспорядков из-за продовольствия. Ангилино казнил премьер-министра Канова потому, что тот воскресил в тюрьме Монтью дух испанской инквизиции. Александр Беркман покушался на жизнь Генри

К. Фрика во время забастовки в Хоумстэде. Он просто глубоко сочувствовал одиннадцати забастовщикам, расстрелянным пинкертонами, и жёнам и сиротам, которых выгнали из нищенских домов, находившихся во владении мистера Карнеги.[2]

Каждый из этих мужчин не только поведал о своих причинах всему миру в письменной или устной форме, сообщая о том, что привело к покушению, и доказывая, что это было невыносимое экономическое и политическое давление, что это были страдания и отчаяние тех мужчин, женщин и детей, с которыми они чувствовали себя связанными, которые подтолкнули их к этим действиям, и что это не в коем случае не была философия анархизма. Поэтому они открыто, свободно и с готовностью выносили последствия, жертвовали собственной жизнью. Если я ставлю диагноз этого социального заболевания, то я не могу осуждать тех, кто страдает от этой широко распространённой болезни не по своей вине.

Я не верю, что эти покушения могут привести к социальному перевороту или, что они хотя бы были совершены с этой мыслью. Это может произойти только из широкого воспитания касательно места человека в обществе и его действительных отношений к окружающим, а во-вторых при помощи примера. Под примером я понимаю: жить в соответствии с познанной правдой, а не только теоретизировать о её живом содержании. В конце концов мощнейшее оружие — это сознательный, разумный и организованный экономический массовый протест через прямое действие и генеральную забастовку.

Распространённое мнение, что анархисты отвергают организацию и, следовательно, выступают за хаос, абсолютно беспочвенно. Верно, мы отвергаем всякую принудительную и произвольную организацию, которая принудительно объединяет людей с различными склонностями и интересами в одно и принудительно их удерживает. Организацию, которая строится как итог общих интересов посредством свободного договора, анархисты не только не отвергают, но считают её единственно возможной основой общественной жизни.

Это гармония органичного роста, из которой происходит многообразие цветов и форм, всё то, чем мы восхищаемся в цветке. Так же и организованное действие свободных людей, влекомое духом солидарности, разовьётся в совершенную социальную гармонию, а это и есть анархия. Точно то, что только анархизм делает антиавторитарные организации реальностью, так как он упраздняет противоречие между индивидуумом и классом.

[1] Солдат Вильям Бувалда был арестован, представлен перед трибунал, уволен без почестей и приговорён к пяти годам принудительных работ. Причина: он пожал Эмме Голдман руку после того, как она произнесла речь о патриотизме в Сан Франциско в 1908 году. Генерал, который вёл процесс, назвал «рукопожатие с этой опасной, анархистской женщиной» тяжёлым преступлением, которым Вильям Бувалда себя запятнал. Бувалда, отслужил 15 лет, был однажды награждён за «очень верную службу». В то время он ничего не знал об анархизме. Выступления Эммы Голдман он посещал из чистого любопытства. Через 10 месяцев после заключения он был помилован президентом Теодором Рузвельтом. Выйдя из тюрьмы, Бувалда немедленно послал свои награды обратно в армию. В письме он заявил, что ему «это барахло ни к чему... Отдайте их тем, кто ценит их больше, чем я.»

После этого он присоединился к анархистскому движению.

[2] Агенты Pinkerton National Detective Agency, частного детективного бюро, часто использовались на стачках для защиты штрейбрехеров. До Хоумстэда они вмешивались более 70 раз в крупные конфликты. Бюро располагало 2000 постоянных агентов, а в случае надобности могло привлечь резерв до 30 000 человек.

Генри Клэй Фрик был председателем Carnegie Company, стачки происходили в 1892 году. Покушение не удалось, а Беркмана приговорили к 22 годам заключения. Кстати, Голдман поддержала идею Беркмана о покушении и добыла для него револьвер. О других «актах прямого действия», упоминаемых Голдман, у меня, к сожалению, информации нет. (Прим. пер.)

Патриотизм - Угроза Свободе

Что такое патриотизм?

Любовь ли это к месту нашего рождения, к месту воспоминаний детства и надежды, желаний и мечтаний? То ли это место, где мы так часто с детской наивностью наблюдали проплывающие облака и удивлялись, почему же и нам не было дано так стремительно парить?

То ли это место, где мы стояли и считали миллиарды мерцающих звёзд, парализованные мыслью, что каждая "могла бы быть глазом", что мог бы обозреть глубины нашей маленькой души?

То ли это место, где мы слушали пение птиц и желали иметь крылья, чтобы, подобно им, суметь летать в далёкие страны? Или это место, где мы, сидя на коленях у матери, были увлечены удивительными историями о великих подвигах и победах? Короче говоря, это любовь к тому клочку Земли, который в каждом сантиметре земли хранит для нас милые и дорогие воспоминания о счастливом и беззаботном детстве?

Если бы это было патриотизмом, то только очень немногие американцы могли бы зваться сегодня патриотами, так как место их детских игр превращено в фабрику, прядильню или шахту, в то время как оглушающий грохот машин заменил пение птиц. Также мы не можем более слушать истории о великих подвигах, так как сегодня наши матери умеют рассказывать только истории, полные слёз, печали и боли. Что же тогда патриотизм? «Патриотизм, господин хороший, - это последнее убежище подлецов», сказал доктор Джонсон.

Лев Толстой, величайший противник патриотизма нашего времени, определяет его как принцип, позволяющий оправдывать подготовку к убийству на широкой основе; как ремесло, которое требует для убийства лучшей подготовки, чем для изготовления таких необходимых для жизни вещей, как обувь, одежда и жилье; как ремесло, гарантирующее лучшие оплату и славу, чем те, что получает рабочий.

Густав Херв, ещё один выдающийся противник патриотизма, по праву называет его суеверием - таким, которое является более вредоносным, жестоким и негуманным, чем религия. Религиозное суеверие происходит от неспособности человека объяснить явления природы. То есть, когда первобытный человек видел молнию или слышал гром, он не мог объяснить ни того, ни другого и делал вывод, что за этим должна стоять сила, которая много больше его. Также он предполагал в дожде и других явлениях природы

сверхъестественную силу. Патриотизм, напротив - это искусственно созданное суеверие, которое поддерживается сплетением лжи и фальши, которое отнимает у человека самоуважение и достоинство, развивая в нём заносчивость и высокомерие. В действительности, неестественность, высокомерие и эгоизм суть важные составляющие патриотизма. Разрешите мне это проиллюстрировать.

Патриотизм предполагает, что Земля разделена на маленькие кусочки, каждый из которых ограждён железной решёткой. Те, что имеют счастье быть рожденными на определённом кусочке, считают себя более достойными, выдающимися и умными, чем те живые существа, которые живут на других кусочках. Поэтому обязанность каждого, кто живёт на избранном кусочке, - сражаться, убивать и погибать при попытке навязать остальным своё превосходство.

Обитатели других кусочков земли аргументируют это, конечно, похожим образом - и в результате сознание человека с самого раннего детства отравлено кровожадными историями о немцах, французах, итальянцах, русских и т.д. Когда мальчик становится мужчиной, он как следует пропитан верой, что сам Господь избрал его защищать Отечество от нападения или вторжения всех в этом заинтересованных иностранцев. И только по этой причине мы требуем так настойчиво ещё большие армии и флоты, ещё больше военных кораблей и оружия. Только по этой причине Америка потратила в короткое время 400 миллионов долларов.

Задумайтесь на мгновение - 400 миллионов долларов, которые были извлечены из народного владения. При том, что богатые никаких взносов на патриотизм точно не делают. Они - космополиты, чувствующие в любой стране, как дома. Мы, в Америке, знаем эту правду слишком хорошо. Не являются ли наши богатые американцы во Франции французами, в Германии немцами и в Англии англичанами? И не швыряются ли они с космополитической грандиозностью монетами, отчеканенными американскими детьми фабрик и рабами хлопковой промышленности? Да, им подходит патриотизм, который разрешает им посылать письма соблезнования тиранам, таким как русский царь, как только с ними приключится какое либо несчастье, как это поспешил сделать президент Рузвельт от имени своего народа, когда великий князь Сергей Александрович был наказан русскими революционерами. Это патриотизм, который стоит за прототипом убийцы, за Диасом, при уничтожении тысяч жизней в Мексике или даже помогает арестовывать мексиканских революционеров на американской земле и держать их, без малейшей вразумительной причины, под замком в американских тюрьмах.

Но помимо всего этого, патриотизм не был задуман для тех, кто представляет Власть и Богатство. Он как раз хорош для народа. Он напоминает об исторической мудрости Фридриха Великого, закадычного друга Вольтера, который говорил: «религия - это обман, который должен быть поддержан во имя масс». То, что патриотизм является весьма дорогим институтом, не осмелится оспаривать никто, взглянув на следующие данные. Прогрессирующий рост затрат на ведущие армии и флотилии мира в последнюю четверть века - такой вопиющий факт, что он должен пугать каждого ответственно изучающего экономические проблемы...

Ужасающее разбазаривание, которое патриотизм делает необходимым, должно быть достаточным, чтобы даже посредственно одарённого излечить от этой болезни. Народ вынуждаем быть патриотичным и за эту роскошь он платит не только поддержкой своих «защитников», но и жертвами своих детей. Патриотизм требует верности флагу, а это означает послушание и готовность к убийству отца, матери, брата, сестры...

Возьмём нашу собственную испано-американскую войну, которая якобы представляет собой выдающееся и патриотическое событие в истории Соединённых Штатов. Как пылали наши сердца от возмущения жестокими испанцами! Верно, наше возмущение воспламенилось не спонтанно. Оно подкармливалось многомесячной агитацией в газетах, долго после того, как Вейлер уничтожил многих достойных кубинских мужчин и надругался над многими кубинскими женщинами. Но чтобы отдать американской нации должное, надо сказать, что она возмутилась и была готова сражаться, и что сражалась она отважно. Но когда развеялся дым, мёртвые были погребены и затраты на войну в виде увеличения цен на продукты и на жильё рухнули на народ - то есть, когда мы, протрезвев, проснулись после патриотической пьянки - стало проясняться, что причину испано-американской войны надо было искать в рассмотрении цен на сахар; или, выражаясь яснее, что жизнь, кровь и деньги американцев были использованы для защиты интересов американских капиталистов, которым угрожало испанское правительство.

То, что это не преувеличение, но основывается на абсолютных числах и датах, доказывается лучше всего позицией американского правительства по отношению к мексиканским рабочим. Когда Куба надёжно находилась в когтях Соединённых Штатов, солдатам, которых послали освободить Кубу, во время большой забастовки рабочих табачной промышленности, что состоялась после завершения войны, было приказано расстреливать кубинских рабочих.

Но мы не одиноки в ведении войн ради подобных целей. Занавес, висевший над мотивами страшной русско-японской войны, стоившей таких многих слёз и крови, начинает постепенно раздвигаться. И мы снова узнаём, что за ужасным Молохом войны стоит ещё более ужасный бог капиталистической экономики. Куропаткин, российский военный министр во время русско-японской войны, поведал, что за ней стояло. Царь и его приближённые вложили деньги в корейские предприятия, и война была развязана исключительно ради скорейшей аккумуляции.

Утверждение, что армия и флот являются лучшей гарантией мира, так же логично, как и предположение, что самый миролюбивый гражданин - это тот, кто разгуливает вооружённым до зубов. Опыт повседневной жизни убедительно показывает, что вооружённый индивид постоянно жаждет опробовать свою силу. То же самое относится, исторически говоря, к правительствам. Действительно, мирные страны не тратят жизнь и энергию на подготовку войн, и как результат - мир сохраняется.

Призывы к увеличению армии и флота вызваны, однако, не какой-либо внешней опасностью. Их причина в растущем недовольстве масс и в духе интернационализма в среде рабочих. Чтобы выступить против внутреннего врага, вооружаются власти различных стран, против врага, который, как только станет сознательным, станет опасней любого нападающего

извне. Власти, столетиями занимавшиеся порабощением масс, изучили их психологию лучше некуда.

Они знают, что людская масса подобна ребёнку, чьи отчаяние, печаль и слёзы при помощи маленькой игрушки можно превратить в радость. И чем шикарней игрушка выглядит, чем более кричащи цвета, тем скорее она понравится миллионголовому ребёнку.

Армия и флот представляют собой игрушку народа. Чтобы сделать её более привлекательной и приемлемой тратятся сотни и тысячи долларов на внешнюю роскошь игрушки. Это и было намерением, с которым американское правительство снарядило флот и отправило его вдоль по тихоокеанскому побережью, чтоб каждый американский гражданин мог почувствовать гордость и славу Соединённых Штатов. Город Сан-Франциско пожертвовал 100 000 долларов на поддержку флота, Лос Анжелес 60 000, Сиэтл и Такома около 100 000. Я сказала, на поддержку флота? На сервировку ужинов с обильными возлияниями для нескольких высших чинов, в то время как «бравые ребята» были вынуждены бунтовать, чтобы получить достаточное питание. Да, 200 000 долларов были потрачены на фейерверки, театральные вечера и увеселения, в то время как мужчины, женщины и дети по всей стране умирали от голода; когда тысячи безработных были готовы продавать свою рабочую силу по любой цене.

260 000 долларов! Да чего только не могло быть достигнуто с такой чудовищной суммой! Но вместо сохранения хлеба и жилища детям этих городов показывали флот, чтобы он «надолго остался воспоминанием для ребёнка», как выразилась одна из газет. Замечательное воспоминание, не правда ли? Инструмент цивилизованной человеческой бойни. Если сознание ребёнка отравлено такими воспоминаниями, какая надежда ещё может быть на действительную реализацию человеческого братства?

Мы, американцы, утверждаем, что являемся миролюбивым народом. Мы ненавидим кровопролитие, мы - противники насилия. Но мы пенимся от радости при возможности кидать бомбы на мирное население. Мы готовы повесить каждого, посадить на электрический стул или линчевать, кто по экономической необходимости рискует собственной жизнью, покушаясь на капитана торгового флота. И наши сердца наполняются гордостью при мысли, что Америка разрастается до могущественной нации мира, и что со временем она поставит свою железную стопу на горло всех других наций. Это логика патриотизма.

При рассмотрении всех неприятных результатов, что несёт с собой патриотизм для среднестатистического гражданина, это всё же ничто по сравнению с оскорблением и уроном, которые патриотизм взваливает на самого солдата - на эту бедную, совращённую жертву суеверия и незнания. Для него, спасителя своей страны, защитника своей нации - что означает патриотизм для него в итоге? Жизнь, полная рабского подчинения, бремени, извращения в мирное время; опасности, обречённости и смерти в военное...

Мыслящие мужчины и женщины по всему миру начинают понимать, что патриотизм - узкая и ограниченная концепция для ответа на необходимости века. Централизация власти пробудила к жизни интернациональное чувство солидарности между угнетёнными нациями

мира, солидарность, показывающую большую гармонию интересов между рабочим в Америке и его братьями за границей, чем между американским шахтёром и его земляком, эксплуатирующим его; солидарность, не боящуюся вторжений, потому что она сподвигнет всех рабочих сказать своим хозяевам: «идите и занимайтесь сами продажным убийством. Мы делали это для вас достаточно долго».

Эта солидарность будит даже сознание солдат, которые есть так же плоть от плоти большой человеческой семьи. Солидарность, которая много раз показала себя непоколебимой в прошлых сражениях и которая во время Коммуны 1871 года дала солдатам повод не подчиниться, когда им было приказано расстреливать своих братьев. Она придала мужества людям, которые совсем ещё недавно бунтовали на российских кораблях. Она постепенно выльется в восстание всех угнетённых и растоптанных. Пролетариат Европы реализовал великую силу солидарности и начал, следовательно, войну против патриотизма и его кровавого призрака, милитаризма. Тысячи людей наполняют тюрьмы Франции, Германии, России и скандинавских стран, так как они осмелились противиться старому суеверию. Да и движение не ограничивается рабочим классом; оно охватывает представителей всех слоёв населения и его значительные представители - это художники, учёные и писатели. Америка будет вынуждена присоединиться. Дух милитаризма пронизывает все области жизни. Я в действительности убеждена, что милитаризм разрастается здесь до большей опасности, чем где бы то ни было, так как капитализм здесь так хорошо умеет подкупить тех, кого он желает уничтожить.

Это начинается уже в школах. Очевидно, правительство действует под иезуитским девизом: "дайте мне сознание мальчика и я сделаю из него мужчину". Дети учатся военной тактике, по плану занятий воспеваются слава военных побед и детское сознание извращается правительству в угоду.

Кроме того, молодые люди увлекаются красивыми плакатами записываться в армию или флот. «Прекрасный шанс увидеть мир!» - кричат зазывалы правительства. Так невинные мальчишки подготавливаются к патриотизму, и милитаристский Молох победно шагает по нации. Американские рабочие так сильно страдали от солдат Штатов и Федерации, что их отвращение и враждебность к паразитам в униформе полностью оправданы. Просто обвинения, однако, проблемы не решат. Что нам нужно - это воспитательная пропаганда для солдат: антипатриотическая литература, которая расскажет им о настоящем ужасе их ремесла и разбудит сознание их действительной связи с рабочими, благодаря чьей работе они существуют. И именно этого боятся власти больше всего. Это уже измена родине, когда солдат принимает участие в собрании радикалов. Несомненно, они заклеят как измену и то, что солдат читает радикальный памфлет. Но не клеймили ли власти с незапамятных времён каждый шаг вперёд, как предательство? Те же, кто серьёзно стремится к социальной реконструкции, вполне могут позволить себе ответить этому сопротивлением; поскольку, вероятно, даже важнее нести правду в солдатские бараки, чем к рабочим в фабрики. И только когда мы погребём патриотическую ложь, будет быстро расчищен и подготовлен путь к той великолепной конструкции, где все национальности будут объединены в одном универсальном братстве - в действительно СВОБОДНОМ ОБЩЕСТВЕ.

Ревность

(Jealousy – Causes and a Possible Cure; Из: Emma Goldman Papers, Manuscripts and Archive Divisions)

Никто, хоть сколько-нибудь способный на интенсивную сознательную внутреннюю жизнь, не может надеяться избежать душевной горечи и страданий. Печаль и, зачастую, отчаяние из-за так называемого вечного порядка вещей – наиболее постоянные спутники нашей жизни. Но они не приходят к нам снаружи, через деяния очевидно злых людей. Они заключаются в самом нашем существе; в действительности, они переплетены тысячами тонких и грубых нитей с нашим существом.

Абсолютно необходимо осознать этот факт. Люди, которые не могут расстаться с представлением, что они обязаны своими неудачами злобности своих ближних, никогда не смогут вырасти из жалкой ненависти и злости. Они постоянно обвиняют, проклинают и преследуют других за что-то, что является неизбежной частью их самих. Эти люди никогда не поднимутся до гордых высот настоящих гуманистов, для которых добро и зло, мораль и аморальность суть только ограниченные выражения внутренней игры человеческих эмоций под поверхностью моря человеческой жизни.

Философ «по ту сторону добра и зла», Ницше, в настоящее время очерняется как прародитель национальной ненависти и пулемётного разрушения. Но только плохие читатели и плохие ученики так его интерпретируют. «По ту сторону добра и зла» означает «по ту сторону преследования, осуждения, по ту сторону убийства» и т.п. Эта идея вживую открывает перед нашими глазами условия, где личное становление сочетается с пониманием всех тех, кто не такой как ты, кто отличается от тебя.

Я не имею в виду неуклюжие попытки демократии урегулировать сложности человеческого характера средствами внешнего равенства. Видение «по ту сторону добра и зла» обращается по праву к одному, к одной личности. Это не исключает возможности боли из-за хаоса, но исключает ту пуританскую правоту, которая сидит в осуждении всех, кроме себя.

Ясно, что истинные радикалы (есть множество половинчатых, знаете ли), должны достигнуть этой глубины человеческого понимания секса и любовных отношений. Сексуальные эмоции и любовь являются одним из самых интимных, самых интенсивных и чувственных выражений нашей сущности. Они так глубоко соотносятся с индивидуальными физическими и психическими чертами, что можно обозначить каждую любовную связь независимой связью, непохожей на другую любовную связь. Другими словами, каждая любовь – это результат впечатлений и характеристик двух людей, вовлечённых в неё. Каждая любовная связь должна по самой своей природе оставаться абсолютно частным делом. Ни государство, ни церковь, ни мораль, ни люди – никто не должен в неё вмешиваться.

К сожалению, так не происходит. Самое интимное отношение является объектом предписаний, регулирования, принуждения, хотя эти внешние факторы абсолютно чужды любви и, как таковые, ведут к постоянным противоречиям и конфликтам между любовью и законом.

В результате этого любовь превращается в деградацию и становится нечестной. «Чистая любовь», так часто превозносимая поэтами, в действительности очень редка. Проституция становится практически неизбежной с деньгами, социальным положением как критериями для любви, даже если она прикрывается легитимностью и моральностью.

Самое могущественное зло нашей увечной любовной жизни – это ревность, часто описываемая как «зеленоглазый монстр», который лжёт, предаёт, обманывает и убивает. Популярна идея о том, что ревность является врождённой и, следовательно, не может быть уничтожена в человеческом сердце. Эта идея – убедительное извинение для тех, кому не хватает способности и желания углубиться в причины и следствия.

Боль из-за потерянной любви, из-за разорванной нити любовной последовательности, действительно наследуется нашими существами. Эмоциональная печаль повлияла на многие чувственные стихи, самые глубокомысленные и поэтичные экзальтации Байрона, Шелли, Гейне и им подобных. Но сравнит ли кто-нибудь это горе с тем, что обычно понимается под ревностью? Они так же непохожи, как мудрость и глупость, как культура и глупость, как достоинство и brutальное принуждение. Ревность – это самый настоящий антипод понимания, симпатии и чувства. Никогда ревность не прибавляла к характеру, никогда не делала индивида больше и лучше. Что она действительно делает – это ослепляет его в ярости, делает его упрямым в подозрении и грубым в зависти.

Ревность, проявления которой мы наблюдаем в семейных трагедиях и комедиях, является неизбежно односторонним, предубеждённым обвинителем, убеждённым в своей правоте и подлости, жестокости и вине своей жертвы. Ревность даже не пытается понять. Её единственная мысль – это наказать, и наказать так жестоко, как только возможно. Это понятие воплощено в кодексе чести, а также представлено в кодексе о дуэли и как неписанный закон. Кодекс, который требует, чтобы соблазнение женщины было отомщено смертью соблазнителя. Даже там, где соблазнения не произошло, где двое добровольно соединились в самой естественной потребности, честь восстановлена только тогда, когда пролита кровь мужчины или женщины.

Ревность одержима чувством обладания и мести. Она согласуется со всеми другими карательными законами и предписаниями, которые всё ещё придерживаются варварских взглядов, что проступок, который зачастую лишь результат социальных условий, должен быть адекватно наказан или отомщён.

Очень сильный аргумент против ревности можно найти у таких историков, как Морган, Реклю и прочих, касательно сексуальных отношений у примитивных народов. Любой, кто хоть немного знаком с их трудами, знает, что моногамия является самой поздней формой сексуальных отношений, появившейся как результат «одомашнивания» и владения женщинами. Именно она создала сексуальную монополию и неизбежное чувство ревности.

В прошлом, когда мужчины и женщины свободно соединялись без помех со стороны закона и морали, не могло быть ревности. Ведь ревность покоится на предположении, что определённый мужчина имеет эксклюзивную сексуальную монополию на определённую женщину и наоборот. В момент, когда кто-либо нарушает его священные границы, ревность готова к бою. При таких условиях смехотворно утверждать, что ревность является совершенно естественной. На самом же деле – это искусственное последствие искусственных причин, и ничего более.

К сожалению, не только консервативные браки насыщены представлениями о сексуальной монополии. Так называемые свободные союзы тоже являются её жертвами. Тут может быть приведён аргумент, что это ещё одно доказательство того, что ревность является врождённой чертой. Но следует помнить, что ревность передавалась из поколения в поколение как священное право и условие чистоты семьи и дома. И так как Церковь и Государство приняли сексуальную монополию как единственное условие сохранности брачных уз, то оба оправдали ревность как законное оружие защиты права собственности.

Множество великих людей уже выросло из легальности сексуальной монополии, однако это не означает, что они выросли из её традиций и привычек. Следовательно, они так же ослепляются «зеленоглазым чудищем», как и их консервативные соседи, когда их «собственность» стоит на кону.

Мужчина или женщина, свободные и великодушные достаточно, чтобы не вмешиваться или не раздражаться по поводу внешних связей возлюбленного, наверняка будут презираться своими консервативными и высмеиваться своими радикальными друзьями. Они также прослышат дегенератами или трусами, достаточно часто их будут подозревать в жалких материальных мотивах. В любом случае, такие мужчины или женщины будут целями непристойных слухов и грязных шуток, только потому что признают за женой, мужем или любовником право на своё собственное тело и своё эмоциональное выражение без сцен ревности или диких угроз убить посягнувшего.

В ревности есть и другие факторы: воображение мужчины и зависть женщины. Мужчина в сексе – это обманщик и хвастун, который всё время похвастается своими победами и успехом у женщин. Он настаивает на том, чтобы играть роль покорителя, с тех пор как услышал, что женщины хотят быть покорёнными, что они любят, когда их соблазняют. Чувствуя себя единственным петухом в курятнике или быком, который должен биться рогами, чтобы завоевать корову, он чувствует себя смертельно оскорблённым в своём позерстве и высокомерии, когда на сцене появляется соперник.

Другими словами, угроза сексуальной монополии, совместно с чрезмерным мужским тщеславием, является в девяноста девяти случаях из ста причиной ревности.

В случае с женщиной экономические опасения за себя и за детей и её жалкая зависть в отношении всякой женщины, которая пользуется вниманием её покровителя неизбежно вызывают ревность. Справедливости ради надо сказать, что в последние столетия физическая привлекательность была единственным средством женщины, так что она должна была завидовать шарму и качествам других женщин, как угрожающих ценности её

привлекательной собственности.

Гротескный аспект во всём этом – это то, что мужчины и женщины становятся страшно ревнивыми в отношении тех, кто не так уж много для них значит. Это, следовательно, не от их чрезмерной любви, но из-за их чрезмерной глупости и зависти, протестующих против этой «ужасной ошибки». Подобно тому, как если бы женщина никогда не любила мужчину, за которым она теперь шпионит и которого подозревает. Как если бы она никогда не пыталась сохранить его любовь. Но когда настаёт момент соревнования, она начинает считать, что для защиты её сексуальной собственности никакие средства не отвратительны и не жестоки.

Очевидно, что тогда любовь не является продуктом любви. В действительности, если бы было возможно исследовать большинство случаев ревности, то могло бы быть обнаружено, что чем меньше люди вдохновлены великой любовью, тем более насильственна и соревновательна их ревность. Двое, связанные внутренней гармонией и единством, не боятся и не разрушают свою взаимную доверительность и уверенность. Если тот или другой имеют связи на стороне, их отношения не окончатся отвратительной враждой, как это часто происходит с другими людьми.

Когда мне придётся спустя две недели дискутировать о разнообразии и моногамии, я не стану особенно долго задерживаться на этом, кроме того, скажу, что рассматривать людей, могущих любить более чем одну персону, как извращенцев или ненормальных – значит быть в действительности невеждой. Я уже обсудила несколько причин ревности, к которым мне следует добавить институт брака, который Церковь и Государство провозглашают как «связь, пока смерть не разлучит нас». Это принимается как этическая модель правильной жизни и правильного поведения.

Если любовь, во всей её разнообразии и переменчивости, сковывается и предотвращается, не стоит удивляться, когда из неё появляется ревность. Что ещё, кроме ничтожества, подлости, подозрения и ненависти может получиться, когда муж и жена официально удерживаются вместе формулой «отныне вы одно тело и один дух»? Возьмите любую пару, связанную подобным образом, зависимую друг от друга в каждой мысли и каждом чувстве, без внешнего интереса или страсти, и спросите себя, не станут ли такие отношения со временем полны ненависти и невыносимыми.

В той или иной форме пути рвутся, а условия, делающие это возможным, зачастую низки и унижающи. Едва ли удивительно, что они выводят на поверхность самые аморальные и подлые черты и мотивы.

Иначе говоря, законные, религиозные и моральные вмешательства являются родителями нашей неестественной любви и сексуальной жизни, а из этого выросла ревность. Это плеть, стегающая и мучающая простых смертных за их глупость, невежество и предрассудки.

Но никто не должен пытаться оправдаться тем, что является лишь жертвой этих условий. Это правда, что мы все страдаем под тяжестью несправедливых социальных устройств, от угроз и моральной слепоты. Но разве мы не сознательные индивиды, чья цель – принести

правду и справедливость в человеческие отношения? Теория, что человек является продуктом условий, привела только к безразличию и ленивому ознакомлению с этими условиями. Ведь все знают, что адаптация к нездоровым и неправильным условиям жизни ведёт лишь к усилению их обоих. А пока человек, так называемый венец творения, вооружённый способностью думать и видеть и, прежде всего, инициативно использовать свои силы, становится всё слабее, всё пассивнее, всё фаталистичнее.

Нет ничего более фатального и ужасного, чем копаться в интимностях любимого человека и своих собственных. Это только поможет разорвать и без того слабые нити симпатии, всё ещё сохраняющиеся в отношениях, и, в конце концов, привести нас к последней пропасти, которую ревность пытается предотвратить, т.е. к уничтожению любви, дружбы и уважения.

Ревность – в действительности слабое средство для защиты любви, но надёжное средство, чтобы уничтожить самоуважение. Ревнивые люди, как наркоманы, опускаются до самого низшего уровня и ощущают в конце лишь презрение и отвращение.

Боль из-за утраты или из-за безответной любви среди людей, способных на высокие и нежные чувства, никогда не сделает их грубыми. Те, кто чувствителен и нежен, должны только спросить себя, могут ли они терпеть какие-либо обязательные отношения, и их ответ не будет однозначным. Но большинство продолжает жить рядом с друг другом, хотя они давно прекратили жить друг с другом. Жизнь достаточно плодородная почва для ревности, чьи пути идут от вскрытия личной корреспонденции до убийства. В сравнении с этими ужасами открытый разврат выглядит актом смелости и освобождения.

Надёжный щит от вульгарности ревности – это то, что муж и жена не одно тело и не один дух. Это два человеческих существа с разными темпераментами, чувствами и эмоциями. Каждый – это маленький космос в себе, углублённый в свои мысли и идеи. Это величаво и поэтично, если два мира встречаются в мире и равенстве. Даже если это длилось не очень долго, это уже того стоило. Но в тот момент, когда два мира стискиваются вместе, вся красота и хрупкость исчезает, и не остаётся ничего, кроме мёртвых листьев. Все, кто придерживается этой правды, рассматривает ревность как нечто низшее и не позволит ей висеть над собой, подобно дамоклову мечу.

Все любовники поступают хорошо, оставляя двери своей любви широко открытыми. Когда любовь может приходиться и уходить без страха встретить сторожевого пса, ревность не сможет пустить корень, т.к. скоро поймёт, что там, где нет замков и ключей, там нет места недоверию и подозрению – двум элементам, на которых цветёт и множится ревность.

Перевод с английского: Ndejra